

Ирху

Руслан, Людмила и Джучи

Любовный треугольник

Пятый очерк

Белореченск - Майкоп
2013 год

Содержание

1. Предисловие	
2. Два друга и подруга	
2.1. Джучил (Фарлрф)	
2.2. Борис (Руслан)	
2.3. Өгүүл -Гаймиш (Людмила).....	
3. Русалка на ветвях сидит	
4. Похищение своей жены.....	
5. Сжигание ведьмы.....	
6. Превращение подарка в ведьму	
7. Друзья в рабстве у подруги	
8. Натиск Снежной королевы.....	
9. Дядя, племянник и подруга	
10. Приложение	

Предисловие

В пятом очерке, в отличие от предыдущих, излагаются любовные истории на фоне политических событий. Соответственно этому и узок круг активных героев Очерка. Значительная часть общественно-политических деяний вынесена в Приложение.

Два друга и подруга

1. Джучи (Фарлаф)

Джучил – сын Бортэ и богатого арабского принца. Мать, Мария, оказавшаяся *наложницей* у этого принца, договорилась о годичном сроке рабства. Когда прошло полтора года, то арабский принц по своей инициативе объявил, что наложница свободна, снабдил бывшую наложницу солидными деньгами на карманные расходы, а от прав на сына отказался.

Воспитанием Джучи занималась исключительно мать, всячески оберегая сына от контактов с отчимом, Чингизом. В детстве она звала сына *Жуча (Джуча)* – по кличке сабак в славянских княжествах. Сын вечно лип к матери, требуя внимания, особенно, когда делал куклы и играл с ними. Такой вывод следует из монгольского слова **хүүхэлдэй** (кукла). На самом деле, смысл слова **хүүхэлдэй** иной – *с хүүхэл*. Понять смысл обоих слов можно, если знать немецкое *kuck* (посмотри) и жёсткое ограничение монгольской грамматики на использование звука [к] в языке. Сын говорил **хүүх эл** (ну посмотри!), а взрослые араты, гостившие у Чингиза, слыша часто *ну посмотри*, прозвали ребёнка **Хүүхэлдэй (С-ну-посмотри)**. Под этим странным именем малыша знало всё кочевье. Несколько лет спустя, Мария стала разъяснять гостям, что её сына зовут **Джучил** (путешествуй), а **хүүхэлдэй** – *кукла, и что в такие куклы играют и мальчики и девочки у неё на покинутой родине*. Чингиз не вмешивался, хотя налицо было нарушение монгольской грамматики.

В результате материнской опеки Джучи вырос белоручкой, не желавшей и не умевшей заниматься скотоводством. С четырёхлетнего возраста Джучил сопровождал отца в поездках по территории, которую назовут «обширной областью Манги». Мальчику приходилось часто заводить новые детские компании, в которых он, как правило, устанавливал собственные правила игры. Пока взрослые занимались решением взрослых проблем, Джучил играл с детьми, обучая их своим правилам детских игр, а заодно и новому языку, *обогащая его словами, перекроенными из немецкого языка*. В 14-летнем возрасте Джучил познакомился с **Үнэгханом**, когда отец показывал дворец, строящийся для тибетца, Во дворец ходил редко – там говорили на старо-монгольском языке, а Джучил им не владел.

Взаимоотношения Джучил с отцом были типичными для нового общества. Отец при необходимости давал советы, но за сына ничего не решал. Образно говоря, сначала вопрос – потом ответ. По этому принципу и сын делился новостями с отцом.

В поход на Волгу Джучил напросился. Мать не советовала, поскольку шли в неизвестность и не знали, когда поход завершится. Но у отца нашлись свои доводы: сыну надо готовиться к самостоятельной жизни. Он должен посмотреть чужие края – вдруг там ему найдётся подруга жизни. Сын поддержал отца:

– Будет 27 лет – найду подружку жизни, и тогда у меня будет право требовать у начальника сомона жильё.

– На юрту не рассчитывай. Я их буду ставить стационарно, а блуждающая юрта испортит весь замысел. В остальном же на поддержку начальника сомона можешь рассчитывать, – с улыбкой заметил Чингиз.

2. Борис (Руслан)

Борис и Глеб, усыновлённые Великим Владимирским князем Всеволодом, были кровные братья. Они были неразлучны и поддерживали родную *мо(л)ву*, которая отличалась от говора остальных братьев и сестёр. Кроме того их объединяла страшная тайна, поведанная им родной матерью, родом из деревни киевского удельного княжества.

Выйдя замуж за князя, она родила тройню: трёх мальчиков. Киевляне обвинили жену князя в колдовстве и потребовали суда над ней. Князь несколько лет не выдавал жену на расправу, но однажды горожане вымазали дёгтем княжеские ворота, раздели его жену, обмазали мёдом, и вываляли в гусиных перьях. Той ничего не оставалось, как спрятаться у сердобольных людей в ожидании ночи. Через этих людей князь передал ей одного из тройни, назвав его нечистым именем *Вакула*. При лунном свете мать и сынишка покинули Киев. Передвигаясь по ночам, она добралась до родного села. Вскоре все в селе узнали некрасивую историю про односельчанку, и многие стали считать её ведьмой. Князь, выполняя просьбу Всеволода, сам повёз двоих сыновей во Владимир, посетив село с теперь уже бывшей княгиней. Та в слезах заклинала всех сыновей никому и никогда не сообщать, что их мать ведьма.

Князь, как мог, успокоил жену:

– Дай слово, что впредь не будешь говорить такое своим сыновьям. Вырастут – сами разберутся кто у них отец и кто мать.

В детских играх часто, то Гебу, то Борису становилось не интересно, и он покидал компанию, не объясняя причины – вслед уходил и кровный брат. Так тайна сохранилась в памяти каждого из них.

Борис не вспоминал детство, но один эпизод из далёкого прошлого всю жизнь стоял перед глазами:

Батя Всеволод отломил огромный кусок хлеба и протянул еду двум братьям-близнецам на глазах всех братьев и сестёр. Брат протянул руки к хлебу, а Борис решил уступить кровному брату и стоял, как истукан, непонимающе уставившись на бату. Тот отвернулся и пошёл прочь, буркнув на прощание:

– Борись!

Коренастый Борис повалил более слабого брата-близнеца на пол, отнял ломоть хлеба, побежал за батей и отдал тому то, что осталось от куска хлеба. Потом братья ему сообщили, что так князь разыграл Киевское княжество. Теперь **Борис** будет княжить в Киеве, а **Глеб** в каком-нибудь рядовом княжестве.

С братьями у Бориса сложились разные отношения. Юрий был авторитетом для всех братьев, а впоследствии и для сурового бати, и его обожали. Старший же Константин был заносчив, и с ним никто дружбу не водил.

В четырнадцать лет Борису объявили, что время детских игр окончилось, и пора готовиться княжить в родном Киеве. Будущий князь должен был кроме того научиться ловить рыбу и охотиться на зверя. Все братья с воодушевлением помогали друг другу усваивать науку княжения, кроме *шкодливого кота* Ярослава – тот вообще не хотел ни чему обучаться, надеясь на *авось*.

Всеволод пригласил во Владимир немецких учителей, сносно усвоивших славянский язык, для обучения сыновей светским наукам, а также ткачих и поварих. Из всех наук, Борису по душе пришлась только математика, нелюбимая никем из его братьев. Будучи по своей натуре шутником, Борис давал прикольные объяснения слову *математика*, вводя в русский язык новые слова с непонятным смыслом, к большому неудовольствию бати (тяти). Греческое слово *Mathemat-ik* Борис переводил *матэ-мать*, заниматься математикой у него было *матэ матюкать*. Алгебра и геометрия были обычными дисциплинами в Европейских университетах. В России же довольствовались первой ступенью точных наук – арифметикой и об университетах не помышляли. Борис освоил, новые дисциплины, но обучать других не видел смысла – ему, шутнику по натуре, проще было сказать, что *матюкаться* неприлично и опасно. Он мог заявить с пугающей миной:

– В *мате* есть биссектриса – это *крыса*. Она бегают по углам и грызёт углы пополам.

Всеволоду пришлось выгнать со двора толкователей русских слов, но запретить их деятельность было не в его силах. И сейчас по числу добровольных толкователей «чистоты» слов родного языка, с целью выявления «грязных» слов и объявления их «ненормативной лексикой», нецензурщиной, матом и тому подобным – Россия занимает ведущее место на Земном шаре.

Никакая женитьба ему не грозила, поскольку по Укладу, разработанному Ясской княжной Марией, за всеми сыновьями, когда им исполнится 21 год, должны были прибыть посланники из Великих княжеств с приглашением княжить в их городе. Кроме рыбалки, Борис часто ездил на реку Гусь, где гнезилось много диких гусей, и подстрелить добычу из лука, подкравшись на близкое расстояние, особого труда не стоило.

Так, в княжеских забавах протекала его жизнь, пока в начале лета 1211 года, его не выкрал Субдэй, сын татарского князя. В то злосчастное утро Глеб встал поздно и прибыл на условленное место, когда след похитителей простыл. Узнав одежду брата, Глеб поднял её и пошёл по следу лошадей вверх по реке Клязьма, прошёл город Владимир, искал след на другой стороне города, не нашёл и побрёл в город Киев, в надежде, что Киевский князь пристроит родного сына.

Во Владимире вообще не искали ни Бориса, ни Глеба – князю доложили о Глебедвигающемся в сторону Киева и он распорядился не тревожить сыновей и держать их исчезновение в тайне: ушёл *блудливый кот* и бог с ним – на то он и *блудливый*.

Для Княжения в Киеве Всеволод стал подбирать достойные кандидатуры из уважаемых граждан России, при этом устанавливал дату – после исполнения Борису 21 год. О Глебе беспокоиться не стал – тому не светила перспектива княжения ни в одном из Великих княжеств.

В Сарай Шыке заложник Борис не тяготился своим положением. Во-первых, Хан (Унегхан) объявил его своим помощником, Во-вторых, никакого надзора за заложником не было. В-третьих, ему было поручено переименовать княжество в ханство, с присвоением от Великого князя Всеволода, высоких титулов Хан и Ханша. Последнее сильно подняло авторитет Бориса в Сарай Шыке – о Всеволоде никто ничего не знал, а Борис был на виду. Правда, многие считали его авантюристом, но приносящим пользу ханству. Появился Борис после смерти старого Князя, и если бы захотел возглавить ханство, то помощников не пришлось бы долго искать.

Но заложник искал себе друзей для человеческого общения, которым был обделён в семье бати Всеволода – там царило насаженное немкой Марией сугубо деловые отношения, какие можно и сегодня наблюдать в немецких семьях в Германии.

3. Өгүүль-Гаймиш (Людмила)

Өгүүль-Гаймиш была младшей дочерью в семье татарского промышленника, добывавшего пушного зверя в сибирской тайге. Настоящее её имя до нас не дошло. Её старшую сестру звали *Гаймиш*.

Отец брал младшую дочь с собой в тайгу, где девочка поддерживала домашний очаг в течение промыслового сезона. Она росла любознательным ребёнком, и её пытливый ум подмечал закономерности в природе, ускользавшие от взглядов других людей. Разгадав природную закономерность, она проверяла свою догадку на природных объектах.

Её занимал вопрос, когда рождаются мальчики, а когда девочки. На её попечении было несколько охотничьих собак, и на них **Өгүүль-Гаймиш** ставила свои опыты. Ей удалось получать 100% однополый помёт, хоть кобельков, хоть сучек. Оставалось только проверить эти законы природы на себе...

Пушной промысел давал отцу хороший доход, и он вскоре стал одним из богатых граждан Сарай Шыка. Чтобы войти в круг знатных горожан, отец дал своей старшей дочери такое приданное, что заинтересовал даже татарского князя и тот женил своего сына Субдэя на Гаймиш, старшей сестре нашей героини. Став знатным гражданином, отец потерял интерес к таёжному промыслу, предложив младшей дочери продолжить бизнес отца и самой заработать на своё приданное.

Старшая сестра обеспечила младшей льготные условия покупки её пушнины дворцом князя. Можно было бы монополизировать поставки пушнины, если бы заготавливать её в достаточном количестве, чтобы покрыть спрос всего города Сарай Шык. И девочка разработала грандиозный проект. Она организовала государство Гусь-Орда в сибирской глуши, в пойме безымянной речки, богатой пушным зверем. Основу государства составили породнённые вольные промысловики, называвшие друг друга *кумом*.

Речка получила название *Кума*, а посёлок, столица невиданного государства, был назван *Алтаем*. Название посёлка было выбрано в расчёте на людей, ищущих золотые прииски. Таковых в Сарай Шыке было много – чаще всего старатели ходили в горы *Алтая*. По городу стал бродить слух о появлении *Алтая* далеко на севере в сибирских болотах. В одиночку и небольшими группами стали появляться старатели во владениях *кумовьёв*. Чужакам объявляли, что они незаконно проникли в чужое государство, за что должны отработать штраф на того *кума*, который их обнаружил. В определённой мере Гусь-Орда была рабовладельческим государством, в котором законодательная власть принадлежала Общему Собранию *кумов*. Процедура обсуждения проблем и принятия решений, получила название *кумекать*. Исполнительная власть принадлежала обладателю хлыста со свинцовым концом.

Неприятности не заставили себя долго ждать – старшая сестра, жена сына татарского князя была отравлена Лунгом вместе с князем. На место князя стал его сын Субдэй, а на место его жены Гаймиш, её младшая сестра. К младшей сестре переходило не только место старшей, но и её имя и возраст. С этого момента младшую сестру в Сарай Шыке стали называть Гаймиш. Совмещать две должности было трудно, но и здесь Гаймиш нашла выход, введя в Гусь-Орде должность своего заместителя, получившего впоследствии имя Гидеон. Заместитель власти не имел, скорее всего, речь шла о советнике.

Был ещё один общий друг – хан Субдэй, но он к любовным интригам не имел отношения. Друзья проводили время в развлечениях, хорошим организатором, но не исполнителем, которых был Джучил: скачки, стрельба из лука, рыбалка, охота. В диспутах

по особому языку Джучил неизменно брал верх – Борис немного уступал ему в знании монгольского языка. Субдэй всегда оказывался третьим.

Гаймиш в диспутах и в соревнованиях мужчин не участвовала, так как была татаркой. Светские приёмы и пиры – любимое занятие Субдэя. Вылазки на природу всей компанией, включая общую подругу и трёхлетнего Батыя, с костром и балдежом – это по части Бориса.

Часто походы продолжались до поздней ночи. Изрядно заложивший Субдэй засыпал на земле. Прижавшись к отцу, посапывал малыш Бату. Джучил, вооружившись веточкой, отгонял назойливых насекомых от возлюбленной Гаймиш, которая, уютно устроившись на коленях любовника, решала извечную женскую проблему, как не прогадать.

– **Өгүү ль** (скажи хоть слово!), – просил Джучи. Но Гаймиш молчала, искоса наблюдая за Борисом.

Борис сосредоточено ковырял палкой в костре, что-то бурча себе под нос.

Русалка на ветвях сидит

Борис получил задание съездить во Владимир, договориться с отцом относительно строительства крепости для Попа Ивана и показать будущему арестанту место пожизненной ссылки. Прямую дорогу через пустыню знал только Чингиз, и тот предложил Борису совместную поездку – сначала до Бисена а потом до того места, где их пути разойдутся:

– Можешь выехать со мной и подождать день в Бисене – мне нужно найти надёжных охранников.

А Борису нужно было тайно посетить Попа Ивана, поэтому он сказал:

– С удовольствием бы принял предложение, но я ещё не купил подарков для своих родственников. Задержусь на день в городе. Прибуду в Бисен в срок, если кто поможет мне в выборе подарка в Сарай Шыке и в сопровождении до Бисена.

Такой, казалось бы, уважительный отказ прозвучал, как гром среди ясного неба. Джучил, погруженный в размышления:

«Борис прибыл в татарской одежде и на татарской лошади. Никаких подарков полномочный представитель славян с собой не привёз. Похоже за душой у него ни гроша. Да и поведение Бориса такое, что только покровительство хана Субдэя не позволяет говорить о Борисе как об авантюристе. Сейчас у него появились средства для подарка, хотя командировочные он получит от моего отца только через 2 дня. Кто, что и для какой цели дал Борису на карманные расходы. Субдэй?»

Субдэй сидел с видом озадаченного человека, ждущего пояснений от Бориса. Дошло и до Бориса. Он вынул из кармана сломанное золотое кольцо:

– Вчера обнаружил его. Когда переправлялись, через Волгу в районе реки Иргиз...

– Название речки вы дали? – перебил Чингиз, хотя это за ним не водилось.

– Нет, мне сообщили, – ответил Борис и продолжил, – То сломалось это кольцо.

Думал, что оно потерялось, а оказывается, я его засунул в потайной карман. Теперь решил его реализовать и закупить подарков. Так кто мне поможет?

Говоря это, он одновременно выправил кольцо и надел его на правый безымянный палец. Носить кольца на пальцах – древняя традиция, и всех интересовало, как с этой традицией обстоят дела у славян.

– Ты женат? – спросил Джучи.

– Нет, – ответил Борис, – У нас женатые носят кольца на левой руке. Чаще всего кольца делают из бересты или вяют из льняных стеблей. Князь может подарить сыну и дорогое кольцо. Так кто мне поможет?

– Я не смогу, – заявил Джучи, – До Мухора дорогу знаю – дальше пустыня.

– А я и в Мухоре не был, – сказал хан Субдэй. – Но вещь дорогая, и можно найти человека, который за вознаграждение согласится помочь. Только нужен надёжный проводник, а то можно и без головы остаться.

Хан Субдэй вышел и вернулся с молодой Гаймиш:

– Гаймиш была в Бисене, когда меня искали всем княжеством. Она согласна помочь, да и в выборе подарков понимает толк. Когда едешь за подарком?

– Да хоть сейчас, – обрадовано заявил Борис, – *Баярта* (С радостью).

– *Баярта*, – дружно повторила компания вслед удаляющейся паре.

Нужно было уезжать и Чингизу, но он не спешил. Поговорив немного на отвлечённые темы, Чингиз спросил, обращаясь к хану Субдэю:

– Вы дали речке название **Иргиз** (отрезок)?

– Нет, я не настолько силён в твоём языке, чтобы изобретать названия, – ответил Субдэй.

– Тогда можешь снарядить отряд на эту речку и забрать там четырёх беглецов из лагеря Попа Ивана. Они же – твои похитители из дворца.

– Недолго им осталось коптить этот свет, – заявил хан Субдэй, вставая.

– Это люди из моей страны, – остановил его Чингиз. – Я предлагаю другой вариант: поезжай сам с небольшим сопровождением – тебя они не тронут. Приведи беглецов сюда во дворец и пусть Джучил с ними побеседует. Он хорошо знаком со всеми слугами Попа Ивана. После беседы с моим сыном у них пропадёт всякое желание возвращаться в Сайхин. Можешь потом использовать их как надёжных слуг. Мне они не нужны.

– Хорошо, так и сделаю. А откуда у Бориса золотое кольцо? На руках у него кольца не было ни до, ни после переправы через Волгу, – спросил хан Субдэй.

Чингиз задумался над возможными последствиями от подробного ответа – выдавать или нет Бориса хану Субдэю. Решив, что это может повредить одному из них, ограничился очевидным:

– Кольцо дал ему слуга Попа Ивана, а возможно и сам преступник, за доставку мешка с вещами. Мои люди не имеют права досматривать дипломата Бориса, а преступника Попа Ивана – обязаны.

На этом беседа закончилась, и Чингиз отбыл в Бисен решать свои проблемы.

При выезде из дворца Борис решил сообщить спутнице, что подарки подготовлены, и надо ехать в Сайхин, где находится мешок с подарками. Из-за незнания татарского языка, он говорил по-монгольски и жестикулировал, сопровождая жесты словами **дуртай** (любимая, красивая) и *дура*.

– Поняла дура? – закончил свои объяснения Борис.

– Поняла, – ответила Гаймиш по-русски и перешла на особый, – А теперь выслушай меня. Называть **дуртай** непонятым словом «дура» – неприлично. Махать руками перед её лицом – тоже.

– А почему ты молчала во дворце? И на улице не предупредила меня, что понимаешь особый язык? – изумился Борис.

– В мужской компании женщина должна молчать, если её не спрашивают. На улице первым должен начинать разговор мужчина, а не женщина, – поделилась Гаймиш своим знанием татарского менталитета.

– Ну и дела, – удивился Борис. – Может, растолкуешь мне, почему Субдэй не ревнует тебя к Джучи. Да и со мной отпустил красавицу без проблем?

– Приятно слышать последнее. За Субдэя решает твой шеф. По его желанию Субдэй отказался от меня. Мы не муж и жена – разве что на людях. Я мужа ещё не завела – жду, когда исчезнет Субдэй, – красавица открыла Борису все свои тайны, – До сегодняшнего дня княжество и озеро принадлежали Джучи по завещанию, но это временно, и торопиться с выбором я не хочу – монгол Джучи мне нравится, но не настолько, чтобы бросаться в омут.

– А теперь княжество стало ханством, и хозяином стал хан Субдэй, – так что проблем с мужем у тебя нет, – заявил Борис.

– Есть, – возразила Гаймиш, – Иначе бы хан Субдэй не предложил мне ехать с тобой. Девушка не возражала против ухаживания, более того, сама предложила Борису, чтобы он представил её Попу Ивану своей подружкой. Что-то было загадочным и обворожительным в Гаймиш, и Борис стал называть её *Русалкой*, а себя Русланом, образовав мужской род от слова *русалка*. Молодые не спешили, но путь далёкий, и приходилось ехать с утра и до позднего вечера.

В первый же вечер Борис поделился своей проблемой:

– Что делать с кольцом? Где его обменять, и что за него можно получить?

– Сначала покажи его мне и расскажи, откуда оно у тебя? – попросила Русалка. – Я не присутствовала при вашем разговоре, но Субдэй шепнул, что раньше он кольца у тебя не видел.

– **Вий (ой)**, – в испуге воскликнул Борис, – Что мне делать? Я им всем сказал, что оно было у меня на руке до переправы через Волгу. Теперь мне верить не будут.

– Почему? – удивилась Русалка, – Ты не являешься подданным этих господ и не обязан отчитываться перед ними: кто и что тебе дал. А кольцо всё же покажи, может по нему можно что-то узнать.

Гаймиш долго рассматривала кольцо, зачем-то лизнула его и попробовала на зуб. Убедившись, что кольцо из чистого золота заявила:

– Историю этого кольца знают Чингиз и Джучи. Кое-что по секрету Джучи мне рассказал. Я не верила ему – думала, что сочиняет.

– В детстве Джучи однажды побывал во дворце Попа Ивана. У того был любимец кот, и наш друг от имени отца подарил золотую цепь для кота, в благодарность за какую-то услугу. Поп Иван не расстаётся ни с золотой цепью, ни со шкурой того кота. Это кольцо – звено той цепи, – поделилась Русалка добытыми сведениями.

– Сколько бы можно было сделать золотых монет из этой цепи! – воскликнул Борис поражённый расточительностью Чингиза.

– Ни одной, – заявила Гаймиш, – У нас деньги – золото, а у них – серебро.

Хотя Русалка была обворожительной, но, переходить черту во взаимоотношениях и становиться любовником номер два или три, Борис не собирался. Проблем было много и без неё. Гаймиш же, чем больше узнавала о Борисе из долгих разговоров с ним, тем больше убеждалась, что это её избранник. Она всячески заигрывала со спутником, но не могла первой переступить черту.

Второй вечер был посвящён содержимому мешка.

– Что лежит в мешке? – спросил задумчиво Борис.

– Я уже думала об этом, – заметила Гаймиш, – Там золотая цепь, завёрнутая в шкуру кота и мелкие ветки. Ветки нужны, чтобы не натереть бока коню.

– Завтра узнаю, – сказал Борис, – Попробую на вес.

У Попа Ивана уже был подготовлен мешок:

– Отдашь мешок отцу на сохранение до тех пор, пока я не перееду в ваши края, – сказал затворник, не говоря о содержимом.

– Попробовать на вес можно? – спросил Борис.

– Конечно.

– Не тяжёлый. Довезу, – заключил *Руслан*.

– В дороге мешок не развязывай, мы будем под наблюдением, да и потерять подарок можно. Любопытным отвечай что угодно. Сейчас я отпущу вас гулять. Но рано утром ты должен быть в Бисене, а твоя подруга здесь. Пусть она сидит на мешке до тех пор, пока мы не станем уезжать. Потом она, и никто другой, должна вынести и подать тебе мешок.

– И ещё. Вам надо сменить имена. Итак, кто вы?

– Она – *Людмила* из *Русалок* – моя невеста, а я – *Руслан*, имеющий титул **Бориис**.

– Хороший подарок приобрёл *Руслан Бориийн* (Борисович), – заметил Поп Иван, оглядывая женщину, явно знатного происхождения – Но доставку невесты придётся отменить. Утром *Людмила* должна быть с кольцом на руке, и пусть она при всех вернёт его своему жениху.

В эту последнюю ночь перед долгой разлукой *Руслан* и *Людмила* не спали. *Гаймиш* поняла, что проводы Бориса не главное. Главное сторожить мешок. Что же в нём может быть такое?

– А ты знаешь, что в мешке? – спросила *Русалка*.

– Конечно знаю, но это большая государственная тайна. – важно заявил *Руслан*.

– Ну и ладно! Можешь не говорить, – в тон ему сказала *Русалка*, но терпения ей хватило ненадолго, – А чья это вещь?

– **Галуун биш муурын** (не гусиная, а кошачья), – изрёк Борис.

– Ты решил поиздеваться, – вскипела *Гаймиш* (Га-га-тунья), поняв, что *Руслан* просто заигрывает, – я такие шутки терплю только от мужа, так что держись.

Гаймиш схватила кнут – Борис успел вцепиться в бечеву кнута, и их глаза встретились.

– **Хайртай юу** (Как насчёт любви?) – произнёс *Руслан* и отпустил бечеву. *Русалка* отбросила хлыст.

С этого момента у Бориса появился третий господин, точнее госпожа *Гаймиш*.

Борис встретил в Бисене *Чингиза*, который дал ему двух надёжных монголов, дополнительную лошадь для *Үнэг-Хана*, снабдил серебром на дорожные расходы и подарил схему местности. На карте был нанесён маршрут Бисен - Владимир через Сайхин.

Чингиз попросил Бориса внести изменения в схему на участке пунктирной (предполагаемой) линии маршрута.

Из Бисена отряд из трёх человек выехал затемно, чтобы утром появиться в Сайхине. За час до их прибытия, лагерь *Унегхана* был окружен строителями, которые взяли под контроль все сооружения в нём. Появился строитель и в избушке, где находился Поп Иван, а у стенки сидела на мешке, дремавшая из-за бессонной ночи, *Русалка*.

Присутствие женщины привело строителя в замешательство:

– Кто ты? – строго спросил он.

В ответ *Гаймиш*, не глядя на него, что-то прошипела и сплюнула. Строитель обратился к Попу Ивану:

– Почему здесь посторонний человек? Он должен немедленно покинуть территорию. Прикажи или я позову на помощь.

– Приказывать ей я не могу. Она в своей стране. Зови на помощь, если хочешь. Но, судя по одежде и поведению – она из знатного рода и знает, что делает. Лучше попытайся

с ней договориться по-хорошему. Если она пожалуется татарскому хану, то придётся плохо всем, включая Чингисхана, – Поп Иван ознакомил строителя с правовыми нормами.

Строитель позвал старшего, и они вдвоём двинулись к Русалке с явным намерением отобрать у неё мешок. Гаймиш встала и в воздухе раздался свист хлыста – болевой шок остановил наступающих. Русалка взмахнула хлыстом снова, но строители благоразумно отскочили. Отодвинулся и Унегхан, которого тоже достал хлыст Русалки.

Между строителями состоялось бурное обсуждение внештатной ситуации. Попытались объяснить с Русалкой жестами, но в ответ послышались угрозы на татарском языке с частым упоминанием *хан Субдэй*. Тогда приняли другое решение. Из избы удалили Попа Ивана, и с ним наружу вышел старший строитель, а другой строитель остался у двери, чтобы наблюдать за Русалкой, севшей снова на мешок, и воспрепятствовать её выходу из избы во время передачи Попа Ивана Борису. Они решили после отъезда отряда доложить Чингизу о татарке, чтобы тот взял на себя решение проблемы. Другие варианты исключались, так как до появления Бориса оставались минуты.

Русалка оказалась наедине с мешком.

Подъехал Борис – Унэгхану подвели коня. Старший строитель сказал монголам, сопровождавшим Бориса:

– **Явж болно** (можно ехать).

Борис слез с коня.

– **Тер яагаад явахгүй хүснэ?** (он, почему не хочет ехать?) – удивился старший строитель.

В ответ *гвардейцы* Чингиза, молча, отъехали, став по бокам Попа Ивана, давая понять строителю, что их задача охранять преступника, а задавать вопросы Борису они не правомочны. Гвардейцы или **гвардия** – особый отряд у Чингиза численностью 30 человек, набранный из самых надёжных и сознательных сторонников реформ – сынов обездоленных кочеников коварной пустыни **Говь** (Гоби). Корень слова *гвард* образован слиянием слов **Г(о)вь** и **ард**.

– **Энэ хорон шог, Борис** (это злая шутка, Борис!), – возмутился строитель. О славянине, хорошо владеющем особым языком, знали все. О его действительном положении у славян, в принципе, не знал никто.

– **Би Руслан-Хиев-князь** (Я князь Руслан Киевский), – сообщил Руслан.

– **Чи Руслан князь биш Борисаг** (ты Борис, а не князь Руслан), – заявил строитель.

– **Миний нэр Руслан-Князь би сая Хиев нийслэлээ хийв мэдээгүй юу** (Моё имя – Князь Руслан, я недавно *сделал Киев* своей столицей, не понимаешь?) – назидательно заявил Руслан.

– Почему не уезжает князь Руслан? – спросил строитель.

– Потому что ты незаконно удерживаешь мою невесту, и я не сяду на коня, пока не приедет сюда Чингиз. Посылай за ним!

Но строитель, слышавший всё у двери, отошёл в сторону, и в проёме появилась Русалка с лёгким мешком. Все взоры были прикованы к ней.

Татарка не прошла и несколько шагов, как с ней случился нервный срыв. Она вдруг отбросила проклятый мешок, нервно сорвала обручальное кольцо и с силой швырнула им в голову Руслана. Борис, не ожидавший эмоциональной выходки, всё же успел закрыть глаза и пригнуть голову. Кольцо угодило в шапку и отскочило.

Русалка развернулась и с воем скрылась в избе.

Такое объяснение в любви, граничащее с ненавистью, произвело на всех впечатление, но больше всего на Бориса. Гаймиш, которой он, за трое суток их совместного

путешествия по маршруту Сарай Шык – Сайхин, рассказал всё и о себе, и о всех своих родных и знакомых, воспылала к нему страстной любовью. Можно сказать, что он был *сражён обручальным кольцом*. Почти машинально Руслан поднял мешок, приторочил его к седлу и, молча, понёсся на запад, не интересуясь своей группой сопровождения.

Когда Русалка сидела на мешке с ветками, то в её голове родился план противодействия коронаванию Юрия Всеволодовича, и *Гусыня* общипала корону, чтобы использовать украшения короны для изготовления царской шапки и одеть оную на голову Бориса.

Когда снаружи стихло, Русалка продолжила начатое дело – собрала все камешки и украшения, которые ей удалось отодрать от короны, вышла наружу, отвязала коня, и в одиночестве поскакала в свой Сарай Шык.

Похищение своей жены

С повторным исчезновением хана Субдэя (Угэдэя), законного наследника татарского ханства, усилились политические страсти в Сарай-Шыке. Всеобщим вниманием стали пользоваться две личности: монгол Джучи – законный муж татарки Угуль-Гаймиш, брошенной исчезнувшим ханом, и русский Борис – любовник той же Гаймиш. Такое внимание общества привело к открытому соперничеству друзей.

К чести обоих, они не желали жертвовать дружбой и совершать деяния, унижающие соперника. Соперничество, поощряемое заинтересованными людьми, в первую очередь Чингизом и Гаймиш, оформлялось либо в шахматную игру, либо в совершение подвигов.

Первый козырь в этой игре оказался у Бориса – ему удалось с помощью подружки собрать невиданное в те времена стадо скота и погнать его своим ходом во Владимир, в качестве подношения своему отцу, Великому Владимирскому Князю.

Татары были возмущены незаконным побором чужеземца Попа Ивана, и многие ушли из ханства на свободные земли Западной Сибири, но впоследствии стали возвращаться назад по мере развития событий не в пользу Попа Ивана.

При посещении Сайхина, Поп Иван дал указание Борису, дарить стадо Владимирскому князю от имени всемогущественного Попа Ивана. Кроме того, стадо надлежало гнать через Тмутаракань, чтобы её жители увязались за невиданным стадом, и ушли с этих мест *по добру по здорову*. О численности славян, об их менталитете, о местах их проживания и даже о том, что Борис славянин – Поп Иван не знал. Но он знал, что Тмутаракань как-то связана с ненавистной Бортэ.

Руслан не очень торопился догонять своё стадо. Объявился Борис на берегу реки **Ахтуба** под вечер, когда пастухи отдыхали. Руслан спросил, жестикулируя:

– Почему вы в Цаган Аман не погнали? Вы что дороги не знаете?

– Мы гнали напрямик из пустыни, чтобы сохранить скот. Сегодня животные отдохнут, а завтра погоним, куда надо. Можно одного барашка разделить по поводу успешного прибытия на Волгу? – жестами спросили пастухи.

– Выбирайте любого, – сделал широкий жест Руслан.

Татары быстро приволокли подходящего барашка и завалили его.

– Покажите, как славяне разделявают барана, – татарин подал нож Руслану.

Руслан понял, что от него требуется, и стал примеряться, заботясь о том, чтобы кровь не попала на его одежду. Борис ненароком посмотрел в глаза барана и вздрогнул – нож выпал из его рук:

– Что-то я устал, – невнятно пробормотал он, – всё валится из рук.

Руслан отошёл в сторонку, лёг навзничь и закрыл глаза. Ему было не по себе. Татары всё поняли и больше к нему с «обменом опытом» не приставали.

Утром пастухи погнали стадо на юг к переправе, но Руслан стал возмущаться и показывать, что гнать надо прямо. Он, как мог, растолковывал, что сразу за рекой находится дорога, идущая на запад.

– Мы-то переплывём реку, держась за гриву коня, а поплывёт ли за нами стадо? – разводили руками пастухи.

Руслан решительно схватил за рога первую попавшуюся животину и потянул её к реке. Пастухи поняли, что предлагается провести опыт, чтобы установить, кто как плавает, и бросились помогать Руслану. Молодёжь с увлечением предалась забаве. К вечеру плавательный рейтинг всех видов животных, включая собак, был установлен без больших потерь. Из опытов выходило, что стадо не удастся переправить своим ходом.

– Что будем делать? – обратились пастухи к Руслану.

Руслан взял палку и на песке изобразил свой первый инженерный проект – мост через реку Волга. Не сразу, но татары поняли предложение Руслана, и река огласилась оглушительным хохотом.

Русско-татарская компания, весело проводя время, добралась до Тмутаракани, совершая всевозможные мелкие подвиги. Вглубь княжества стадо не погнали – было не по пути. Руслан показал жестами, что надо заменить татарских пастухов на русских. У татар округлились от страха глаза, и они жестами показали, что ханша велела им не покидать Бориса. Если они вернуться, то она прикажет отрубить им головы.

– Эта госпожа деспот, как мой отец, – сказал вслух Руслан, – Но она безрассудна.

Слово *дура* Борис решил не говорить, а то, чего доброго, ребята запомнят это слово и донесут Гаймиш.

– Мы становимся лагерем, и я буду обучать вас моему языку, – как мог, показал жестами Руслан и запричитал:

– Если скот и пасти, и сторожить, то два месяца уйдёт на обучение – как пить дать. До начала холодов не попаду во Владимир, задание и Чингизхаа, и Попа Ивана провалю. Не пожалеют меня ни тот, ни другой. Кто бы посоветовал, что делать? Подвела меня Людмила – видно рассудком тронулась.

Через два дня после отъезда Руслана Угуль-Гаймиш явилась к мужу и объяснила, в какое положение попал Борис по её вине. Она говорила всё, как было, включая грозное предостережение пастухам.

Но Джучи ей не поверил и стал утверждать, что Борис не маленький и выход найдёт сам. Заметил, что пастухов за такой проступок на кол не сажают и голов не рубят, а значит всё, что она говорит – не случайность, а очередная затея. Хан и ханша рассорились и перестали разговаривать между собой.

Но ханша не остановилась на этом и, взяв с собой двух именитых сановников Сарай Шыка и пообещав им золотые горы, бросилась догонять Бориса, по следу стада. Догнав любимого в Тмутаракани, она направила его во Владимир за отцом, а сама отправилась в Киев на разведку – нужно на месте, сообщая с сановниками, сориентироваться, как посадить Бориса на киевский трон. Переубедить её было невозможно поскольку – она умела, и преодолевать преграды и обходить их.

Вслед за ней двигался по следу стада и Джучи, но он догнал Бориса, когда тот приближался к местам проживания мокшей. Борис уже знал о смерти отца и торопился во Владимир, чтобы узнать подробности.

– На кого идёт войной, мой доблестный друг, – приветствовал Руслан монгола, которого сопровождали *30 витязей прекрасных*.

– На тебя. Где моя жена? – строго спросил Джучил.

– Я её видел в Тмутаракани. Она собиралась ехать в Киев.

– Зачем она поехала в Киев?

– Спроси её. Слушай, Джучи, если ты не сменишь *тон*, то я не буду с тобой разговаривать. У меня горе – умер мой отец, а ты пристаёшь со своими семейными проблемами. Муж должен сам разбираться со своей женой – я тебе не помощник. Ты находишься в славянских землях, и тут такие законы. Твоя **гвардия** не сможет установить другие законы.

Джучи пришлось перейти на дружеский *тон*, пособолезновать и спросить, как добраться до Киева.

– Киев на юг. Надо двигаться вот по этой дороге. Когда дойдёшь до города, то там попроси показать дорогу на Киев и иди до следующего города – *язык до Киева доведёт*, – посоветовал Руслан.

– Мой язык не доведёт. А другой способ?

– Садись у дороги и как увидишь людей, спрашивай: «в Киев?». Кто ответит: «Да», тот будет тебе попутчиком и проводником.

– Это подходит, – заметил Джучи, – и как часто ходят здесь люди в Киев.

– По этой дороге не часто, тем более что сейчас осень. Обычно весной люди идут в Киев, чтобы к осени вернуться.

– Придумай что-нибудь другое, – попросил Джучи.

– Не могу – у меня мысли натошак не работают, – извинился Борис.

– Понял, – догадался Джучи, – Принимай друга, киевский князь Руслан, или как там по-другому надо тебя величать?

– Для начала сойдёт. Командуй своим стражам, чтобы спешились и помогли моим пастухам организовать пир по поводу встречи. А я съезжу в ближайшее селение и приглашу соплеменников на торжество. Когда они ещё увидят таких красавцев, как мы?

В ближайшем селении оказались мокши. Несколько человек пошли за Борисом, не очень понимая, что хочет русский.

Еды и медовухи было много, поскольку к стаду всю дорогу выходили люди и предлагали Борису всевозможные обмены. Так что, хотя стадо и поубавилось, но за ним шёл воз с самым разным товаром. Можно было без проблем накормить и напоить даже сорок человек.

Захмелевшие Борис и Джучи не обошли вопрос личных взаимоотношений:

– Борис, ты держишь на меня зло? – спросил Джучи.

– Держу, – ответил Руслан, – Подумай сам: ребёнок лишился отца и матери, в голове которой одни **романы**, а дядю послали скот перегонять. Ты на кого славного *Бату* оставил? Что сейчас делает твой пятилетний сын? Кто ему на ночь сказку расскажет?

– Не переживай, друг. Я дождался отца, а потом поехал за своей **ромэн**, – отвечал Джучи, – сейчас **Батаа** сидит на коленях у своего деда, и на ночь дед ему такую сказку расскажет, что нам и в голову не придёт!

Последнее замечание задело самолюбие Бориса, и он решился на очередной подвиг:

– Ладно, на тебя больше зла не держу. Но сказки я сочиняю лучше твоего отца. Хочешь, сейчас сочиню?

– Валяй, – дал добро друг.

– У нас в реках водятся невиданные для тебя звери, – начал Руслан сочинять сказку на русском языке и тут же переводить на монгольский, – Это рак – **хавч** и *русалка*. Оба с рыбьими хвостами. Рак сидит в норе, у него вместо лап ножницы – **хайч**. Если кто руку в нору засунет, то **хавч** своими **хайч хавч** (хватать)! И руки – как не бывало!

– Русалки тоже не подарок. Они женского полу и поэтому трусливые – лицом лезть в нору к своим *ракам* боятся. Лезут они к *ракам раком* и закрывают свет. **Хавч**, рак, темноты тоже боится – по ногам своими **хайч хавч** – и ног как не бывало. Вот безногие русалки и повадились, в светлую ночь, когда полнолуние, охотиться за красивыми парнями, вроде нас с тобой! Залезут на дерево и на дудочке играют, а внизу ставят э-э ну то, где рыба а....

– Я не знаю, где у вас рыба *аа* делает, – передразнил Джучи.

Борис сбегал за сетью и положил её перед Джучи:

– Это как называется?

Джучи внимательно осмотрел сеть:

– А для чего это?

– Чтобы рыба *аа* делала. Она зубами за нити держится и её течением не сносит – объяснил Руслан, – С этим можно много рыбы иметь. Дарю тебе – от сердца отрываю. Поставишь на ночь, а утром – 7 вёдер рыбы!

– Подарок возьму – в хозяйстве пригодится. А зачем вам много рыбы? Вы что её едите как татары? – спросил брезгливо монгол, – Она же не вкусная.

– Нет, мы её отдаём и смотрим, как другие рыбу едят – возразил Борис, вспомнив поведение Джучи на пиру в Сарай Шыке, и перевёл разговор на другую тему: – Посмотри лучше, что делают твои витязи.

А гвардейцы Чингиза раздавали скот. Подходили невесть откуда мокша, и витязи каждому подходившему, молча, давали очередное животное. Джучи вскочил:

– Слушай приказ! Прекратить раздачу скота.

После получения объяснения от витязей, Джучи вернулся с виноватым видом:

– Мой отец решил поссорить меня с тобой, – сообщил он, – Угуль попросила отца не отбирать у тебя животных, если я буду возражать. А он специально навязал мне всю свою гвардию, чтобы не было у тебя возможности позвать на помощь славян. Он и в Сарай Шык сразу не поехал – ждал от меня гонца и снаряжал витязей. Весь их грозный вид – бутафория. Они в человека выстрелить из лука не смогут – только в животных.

– Как мне попасть в Киев? – поинтересовался Джучи.

– Завтра скажу пастухам, чтобы они гнали остатки стада в Киев. Ты со своей грозной гвардией езжай за ними – там встретишь свою Угуль. Передай ей, что стадо – мой подарок тебе и ей к свадьбе.

– Почему витязи отдали сначала всех лошадей, включая моего коня, а потом принялись за других животных. Мне что, пешком идти до Владимира? – спросил возмущённо Борис.

– Ты же говорил, что славяне, в отличие от татар не едят конину – вот мой отец и решил взять у тебя всех коней для своих нужд, а заодно прихватил и дюжину бычков. Насчёт коня беспокоиться нечего – завтра твои славяне разберутся и вернут сыну князя его коня.

Утром, как и предсказывал Джучи, появились вчерашние гости и привели с собой коня, но не коня Руслана, а какую-то полуживую *клячу*.

Мокша молча указывали пальцами на клячу и на Джучи, явно что-то требуя от него.

– Что надо от меня твоим сородичам? – спросил Джучи у Бориса.

– Они не хотят со мной разговаривать – догадайся сам, – ответил Руслан.

– По-моему, они хотят, чтобы я убил коня для пиршества, – сделал предположение Джучи, – Но ты говорил же, что славяне не едят конину.

– Славяне не едят конину, потому что я им это запрещаю, но если ты стреляешь из лука лучше меня, то они съедят этого коня с удовольствием. Давай соревноваться.

– Не вижу мишени для стрельбы, – оглянувшись вокруг, заявил Джучи.

– Не верти головой – мишень перед тобой, – и Руслан показал на клячу.

Борис сделал знак мокшам привязать лошадь спиной к дереву. Затем, порывшись в приобретённом товаре, достал известь, развёл её и нарисовал круги на брюхе лошади, написав соответствующие цифры. Закончив с мишенью, отмерил 30 шагов и провёл известью на земле *линию кона*.

– Готово. Возьми у витязей два лука и вперёд, – приказал Руслан.

– Не буду я с тобой стреляться. Скажи сам славянам, кто из нас лучше стреляет – они тебе поверят.

– В том то и дело, что они мне не верят и не хотят со мной разговаривать. Славяне знают, что я самый лучший стрелок – они и твоих витязей убедили в этом. Посмотри, как гвардейцы смеются над твоим заявлением!

Витязи действительно над чем-то смеялись, и сами принесли два лука и две стрелы. Руслан и Джучи вооружились. Первым пустил стрелу Борис:

– Я попал! У меня *очко*! – закричал Руслан от радости.

– Прикончите раненую лошадь, – приказал Джучи, и двадцать восемь стрел окончили мучения жертвы. Джучи стрелять не стал.

– Твоя взяла, – подвёл итог Руслан. Теперь мои сородичи съедят этого коня, но моего коня мне не вернут добровольно.

– Идите к *мордам* (от слова *морд*) и отберите у них моего коня, – приказал Борис пастухам.

Весть о приближении стада, охраняемого невиданными молчаливыми богатырями, облетела Киев и его окрестности, и Людмила со своими именитыми спутниками выехала встречать процессию, надеясь увидеть своего Руслана.

Но впереди на чёрном коне Чингиза с царской осанкой восседал её хан Джучи:

– Великая Людмила, твой верноподданный Руслан посылает со мной дар к нашей свадьбе.

Узнав, что Борис не сможет прибыть в Киев, Угуль-Гаймиш разрыдалась в объятиях мужа.

– Скажи, что ты хочешь? – спросил Джучи, – Может, я тебе помогу?

– Не могу жить без него. Я хочу его постоянно видеть! А твой отец постоянно прогонят его с моих глаз, – сквозь слёзы лепетала Людмила.

– Любимая, успокойся, приедет к нам наш друг. Я был виноват в его изгнании, а недавно мы помирились, и я пригласил его к нам. А он мне помог найти тебя, дав стадо, которое и привело меня в Киев.

– А если Борис обиделся? И чем он будет заниматься у нас? – перестав реветь, спросила Людмила. Она стала понимать, что у Джучи есть что-то приятное для неё.

– Он появится, он сам предложил нам услуги в обучении Бату русскому языку. Сейчас твой сын сидит на коленях Чингиза. Ты знаешь, что это значит?

– Нет, – ответила Гаймиш, – Но я тебе верю. Ты у меня такой умный!

– Это пустяк, – заявил польщённый муж. – Может у тебя есть мечта?

– Мне Борис рассказывал, как его похищали. Это так романтично! – мечтательно произнесла Людмила.

– Сделаем не хуже, если ты поможешь. Тебя объявим невестой. Стадо пойдёт на грандиозный пир – не гнать же его назад! – А я тебя украду прямо среди пира, – загорелся любитель театральных постановок.

– А можно, я из одного из сановников сделаю Руслана? – робко спросила Людмила.

– Делай сколько хочешь Русланов – всё равно украду! Ты только *аа* не сделай!

Чтобы иметь деньги для пира, Джучи решил выставить часть бычков на продажу. Но опыта торговли у него не было: в Сарай Шыке Джучи не ходил на рынок – там нужен был татарский язык.

Он предложил своей Угуль, заняться торговлей, но та обиделась:

– Не женское это дело – продавать. Мне легче себя предложить, но у киевлян таких денег нет.

– А я одним своим видом напугаю покупателей, – заметил Джучи.

– К твоему виду пусть привыкают: Борис будет киевским князем, раз я так решила, и мы будем желанными гостями у него. Ты что не собираешься в гости приезжать к другу? Или ты думаешь, что Руслан разрешит тебе разгуливать по Киеву под *ширмой* – ошибаешься! А если возьмёшь **шилээ** (свои очки), то где ты их собираешься прятать? **Шилээ в мешке не утаишь!** Так что – иди как есть и торгуй, как сможешь.

На базарной площади Киева люди увидели всё ещё внушительное стадо бычков. Бычки, совершившие за 5 месяцев марш-бросок в 3000 км, представляли собой жалкое зрелище. Все понимали, что за такой товар много денег не попросят, но если животных подкормить, а потом продать, то навар будет солидным. У чужестранца-продавца столпилась толпа покупателей и зевак.

Однако смельчаков торговаться не было. Дело в том, что вокруг стада на низкорослых лошадаках сидели воины в необычной форме с кожаными шлемами, скрывавшими черты лица. Видны были лишь прорезы для глаз. За плечами у каждого был лук необычной конструкции и колчан с боевыми стрелами. Воины несли службу молча, повинувшись только приказам продавца.

Продавец с хворостиной в руках на коне чёрной масти нервно курсировал перед стадом, стреляя по сторонам глазами – то ли напускал страх на людей, то ли сам их боялся – здесь у покупателей единого мнения не было.

Но вот продавец спешился, и довольно шустро подбежал к своему товару. Покупатели и продавец долгое время, молча, изучали друг друга.

– Шо цэ за чудо-юдо. Чи леший? – не выдержал какой-то молодой хлопец.

– Леший, як пить дать! – подтвердил бывалый казак, – Бачишь яки гляделки? Так и зырит шоб стырить! Учёру мэнэ прычудился таки леший. Слово по-нашему нэ молвил, но мэнэ разумив. Особо когда я его хворостыной огрел.

– Цэ кажись смирный, – заступился за лешего другой бывалый казак, – Но хворостына нэ помешает, хто ведает, шо у лешего на уме, ежели в руках дручок.

– Давай ноги в руки, – скомандовал второй бывалый молодому.

– Як з лешим гутарить? – спросил молодой, вернувшись с хворостиной.

– Гутарь по нашему, – разрешила толпа

– *Шо цэ?* – указав хворостиной, спросил хлопец.

Джучи сообразил, что *цэ* это *это* и внимательно посмотрел за взглядом парня:

– **Цэ цээ**, – ответил Джучи (так на монгольском языке называется эта часть бычка).

– Чо дразнишься? *Шо цэ?* – хлопец показал хворостиной на другого бычка.

Поскольку хворостина показывала не на **цээ**, а на **бээ**, то Джучи сказал:

– **Цэ бээ**.

– **Цэ бэ?** – переспросил хлопец?

– **Цэ бээ** – поправил леший.

В толпе стали решать вопрос, кто это и на каком языке говорит. Много всяких людей видел Киев, но чтобы похожий на славянина человек так изъяснялся, было впервые.

Из толпы вышел покупатель попытать счастья. Он взял у хлопца хворостину и спросил:

– Цэ бэ?

Джучи такое начало торговли не понравилось, поскольку надо было говорить бээ, а не бэ, и он подошёл к баранам:

– Цэ, – сказал сын Чингиза и со всего маха огрел палкой барана.

– Бэ-э-э, – баран поправил произношение и побежал.

– Во, кажись, понятно, – зашумели в толпе, – покажь ёму гроши.

Казак, достал из широких *шаровар* несколько монет и показал их, намекая лешему, что может предложить деньги:

– Шо цэ?

Джучи, радуясь долгожданной валюте, выхватил монеты.

Парень повторил слова «Цэ бэ!», накинул на бычка верёвку и поторопил его хворостиной, желая поскорее убраться восвояси от грозных охранников.

Продав бычка, Джучи прекратил продажу и пошел покупать живность у продавцов базара, предлагая им, молча, полученные монеты. По купленным двум гусям, он сообразил, во сколько раз его надул покупатель бычка.

«Да, – подумал Джучи, – не так-то просто здесь организовать пир (*их хоол*)».

Вернувшись к своему товару, он увидел очередь покупателей вооружённых хворостинами.

– Шо цэ? – протянул монеты очередной покупатель.

– Цөөн (мало)! – Джучи выставил ладонь.

Покупатель покинул очередь, выместив хворостиной свою досаду на бычке:

– Цэ тэбэ!

Покинули очередь и другие любители лёгкой наживы.

Остались зажиточные покупатели:

– Гутарь свою *цыну*, – молвил богач, грамотно произнеся монгольское *цөөн*.

Богач выложил имеющиеся у него монеты. Джучи отобрал столько монет, во сколько раз бычок обошёлся ему дороже гуся.

– Цэбэ, – с досадой сказал богач, уводя покупку. Затем несколько раз огрел бычка хворостиной.

«Похоже, я надул человека» – сообразил Джучи: «Придётся на пиру выставить жареных гусей, как самое дорогое кушанье. Надо срочно придумать, как узнать настоящую цену моему товару».

Торговля застопорилась, поскольку богач вернулся и потребовал обратного обмена. Толпа вокруг спорящих, но не понимающих друг друга людей, росла. Подходили и чужестранцы. Фраза «Что значит бээ» звучала на разных языках, но Джучи никак не реагировал. Вдруг прозвучало:

– Was ist бээ? (Что такое бээ?)

– Arsch (попа), – радостно воскликнул Джучи, который кроме особого языка, изъяснялся и на родном, – komm her, Arsch (*иди сюла, попа*)!

Инцидент с богачом удалось уладить совместной организацией грандиозного пира. Захмелевшие гости с воодушевлением приняли постановку пьесы «Выдача замуж княжны Людмилы». *Лешего* (Джучил) на пиру не было. Но среди актёров-претендентов был горластый *Фарлаф*.

Так, в начале января 1213 года, на базаре в Киеве, славяне впервые в своей истории увидели старшего сына Чингиза, которого они, а через 5 столетий и А.С. Пушкин обозвали *лешим*, и суровых жителей не ласковой пустыни Гоби.

Однако утром в Киеве не обнаружили ни *лешего с тридцатью охранниками*, ни красавицы *Людмилы*, ни *Фарлафа*. Обнаружились только двое других актёров. Они никак

не хотели поверить, что Людмила исчезла, и бросились обвинять и мутузить друг друга. При этом долго не могли установить, кто из них Руслан. Их разняли и жестами показали, что им надо ехать вслед за *Фарлафом* и *искать Людмилу*. Киев вскоре забыл посещение города *лешим*.

Несчастливые актёры, самые высокие чиновники Сарай Шыка, не знали даже направления, куда им ехать. И это понятно – на всём пространстве от Лукоморья до Киева все слышали о Киеве, но никто о Сарай Шыке. У татар возникла проблема и с языком и с питанием, поскольку они даже милостыню не знали, как просить. Удалившись из Киева в произвольном направлении, они впервые в жизни занялись изучением чужого языка и воровством (в ночное время). Татары чудом выжили, но им повезло – в одном из селений им сообщили, что полгода назад видели, как *по полю скакал казак, а за плечами была не иначе как ведьма*.

Уточнив направление, чиновники добрались до столицы ханства, привели себя в человеческий вид и во всеуслышание официально заявили:

– Ханша Гаймиш – *карга* (ведьма). Не просто карга, а *ведьма, которую у славян сжигают на костре!*

Последнее замечание они придумали, так как знали о непотопляемости ханши, а другого способа избавиться от правительницы, бросившей их на произвол судьбы, не было. Авторитет у сановников был высоким и на тайном собрании влиятельных лиц Сарай Шыка все поддержали инициативу. Решили передать Гаймиш *в первую руку ханства, вместе с её народом*. Если первая рука сожжёт ханшу, то *её народ переходит палачу в качестве подарка*. Если первая рука откажется, то пусть предложит расправу с ханшей *второй руке* и так далее.

Первой рукой в ханстве был хан Джучи, а второй – его друг Борис. В любовном треугольнике возникла проблема, как сжечь Угуль-Гаймиш.

Сжигание ведьмы

Гонец из Сарай Шыка прибыл в Дружный в середине августа, и Борис незамедлительно выехал вместе с ним в ханский дворец, мотивируя необходимостью в скорейшем начале уроков с Батыем.

Перед дворцом их встретил Джучи с пятилетним Батыем.

– Мне надо срочно поговорить с Угуль, – после приветствия заявил Борис.

– У меня тоже к тебе срочное дело, поэтому я послал слугу за тобой, – ответил Джучи, – давай здесь обсудим важную проблему.

– Проблема подождёт. Сначала, разреши мне переговорить с твоей женой.

– Нет. Она не хочет тебя видеть, ... – начал Джучи.

– Но мне надо ей сообщить важную новость, от этого зависит её жизнь, – перебил Борис.

– Желание гостя – закон. Пойдём к ней, – сказал Джучи, передавая Батыя учителю. Немного помолчав, добавил:

– Для нас с тобой есть подарки.

– Что за подарки? И от кого? – удивился Борис.

– Увидишь сам, – сказал Джучи и с дрожью в голосе воскликнул, – *Dicke Haben! Dicke Haben!*

– Борис Всеволодович, – обратился к учителю ученик, обученный русскому языку, – А что означает «*Дике Кабэн*»?

– О, *Дикий Кабан* – это длинная и страшная история, – ответил учитель.

– Расскажите мне про *Дикого Кабана*? – пристал Батый.

– Потом расскажу, – отмахнулся учитель, – сейчас взрослые займутся своими делами, а ты пока поиграй.

Ученик будет часто приставать к учителю, с просьбой рассказать длинную и страшную историю про *дикого кабана*, и учитель будет рассказывать её, но длинной и страшной истории у него не получится – так, одни фантазии.

– С чем прибыл? – спросил Джучи, едва закрылась за друзьями дверь в комнату Угуль, – Рассказывай.

– А ты меня не убьёшь? – поинтересовался на всякий случай Борис.

– Пока я никого не убил. Даже в бедную лошадь не стал стрелять, – напомнил Джучи, – так что ты будешь первым, а значит, тебе будет выдана премия, правда, посмертно.

– Это лучше, чем сидеть на колу, – согласился Борис, – меня и твою Угуль могут посадить на кол её братья за нашу связь.

– Что-то ты поздно заговорил об ответственности, – усмехнулся Джучи, – надо было раньше об этом подумать. С чего ты решил, что тебя на кол хотят посадить?

– Потом поговорите о глупостях наедине, без меня. Садитесь и разберитесь сначала с подарками, – вступила в разговор Угуль и попросила Джучи:

– Расскажи всё гостю.

– Когда моя жена пыталась посадить тебя на Киевский престол, то заручилась поддержкой двух своих сановников, обещая им службу при Киевском дворе. На пиру назначила турнир, на котором они победили своих конкурентов. Отметили доброе начало, а утром оказалось, что их бросили в далёком краю. Сановники вернулись через полгода, в июле, голодные и злые.

– Обратную дорогу они узнали не скоро – долго выбирались из славянских земель наугад, не зная языка славян. Когда вышли на половцев, то и там была проблема: все знали дорогу в Киев, а в Сарай Шык – никто. Его за Волгой мало кто знает.

– Сановники потребовали объяснений, и Угуль сослалась на подавление мятежа. Тогда сановники предложили провести расследование несостоявшегося переворота и наказать заговорщиков. Они прекрасно знали, что репрессии после амнистии приведут к потере авторитета и хана и его жены. Власть обязательно перейдёт к ним, поскольку они отсутствовали в Сарай Шыке во время попытки Попа Ивана захватить власть в татарском ханстве с помощью братьев хана Субдэя.

– Моя Угуль отказала им. Сановники назвали её ведьмой и заявили, что скоро все в ханстве узнают об этом. Они распространили слух, что ханша своим колдовством увела их неведомо куда. Там она их бросила, а сама запрыгнула на спину своего мужа, и тот поскакал под ней как конь. Это они слышали от людей, которые видели собственными глазами, как бедный человек нёс на себе ведьму

– там, где я нарисовал мост ..., – перебил Борис своего друга.

– и утопил дюжину овец..., – перебил Джучи.

– говорят, что тридцать всадников переплыли Волгу – окончил свою мысль Борис.

Угуль в разговор не вступала – у неё были мрачные мысли.

– В начале августа состоялся съезд влиятельных людей Сарай Шыка, на котором порешили: Угуль – *ведьма*. Батый провозглашён ханом, под ренегатством *триумvirата*: я и два бывших сановника Угуль. Они сейчас живут здесь, во дворце...

– А почему её сразу не посадили на кол? – вновь перебил Борис.

– Опять ты встречаешь со своим *колом*, – возмутился Джучи, – женщин на кол татары не сажают. Женщина – подарок, и Угуль – не исключение.

– Поэтому встал вопрос, кто возьмёт себе этот подарок. Угуль – главная в своём клане, и весь её клан остаётся за ней, включая её братьев. Сановники Угуль ей не братья – они из другого клана. Весь клан Угуль находится далеко на Севере, на реке *Кума*, и он тоже является подарком.

– Подарки у татар даются в первую руку, а уж первая рука может делать с подарками всё, что пожелает. Никто из других рук Сарай Шыка не хочет брать Угуль и её братьев. Пришлось мне принять подарки.

– Пообещал им что Угуль, как ведьму сожгу на костре – такой метод где-то существует; не у вас? – а братьев отправлю на север на их клановое место, на реку *Кума*, кажется, так она называется. Я придумал, как сжечь Угуль на костре, а она предложила вызвать тебя – вдруг ты предложишь лучший сценарий.

– Предлагаю тебе взять Угуль в подарок и сжечь её на костре, – закончил свою длинную речь Джучи.

– Я не знаю, что делать мне с другими подарками – заявил Борис.

– Возьмёшь главный подарок – она тебе посоветует, что делать с другими подарками, – подсказал Джучи.

– У меня нет клана, где я был бы первой рукой, – возразил учитель.

– Посёлок Дружный вполне сойдёт за клан. Бывают и меньше, – парировал Джучи.

– Она мне и *на дух* не нужна, – выложил свой последний довод Борис.

Джучи крыть было нечем. Угуль вздрогнула и отвернулась. Воцарилось долгое молчание – никто не хотел продолжать разговор.

В комнату вбежал Бату. Увидев плачущую мать, он спросил:

– Мама, ты почему плачешь?

Молчание.

– Кто обидел мою маму?

Молчание. Мужчины уставились на Угуль.

– Борис Всеволодович, – перешел на русский язык Бату, сообразив, что дяди не знают татарского языка, – кто обидел мою маму?

– Узнай у неё, – учитель показал на Угуль.

– Бату, здесь нет тех, кто погубил твою маму, – сквозь слёзы начала Угуль сообщать Бату свою версию ответа на вопрос: «кто мать хана Батыя?».

Она говорила по-татарски и ни Джучи, ни Борис не понимали, что говорит Угуль.

– Я плачу, вспоминая твою мать. А ты не плачь – ты теперь татарский хан, а ханам плакать не положено. Обещай, что когда вырастишь, то найдёшь тех, кто погубил твою мать и накажешь их!

– Клянусь! – ответил ребёнок по-татарски, – а как я найду своих врагов?

– Спрашивай у этих дядей, – они хорошие люди и всё знают. Тебе говорят, что эти дяди прячут твою мать – не верь, Бату. Это клевета! Твоей матери нет на белом свете, а я не твоя мать. Найдёшь отца – скажи ему, что Гаймиш выполнила его пожелание. У твоего отца несколько жён – я одна из них. Отца не трогай – он ни в чём не виноват.

– Смотри, какую красивую книжку сделал для тебя учитель, – вдруг с улыбкой сказала Угуль-Гаймиш, – Подойди и поблагодари его!

– Учитель – это мне? – солидным голосом, по-русски, спросил Батый, указывая на букварь.

– Тебе, тебе, – ответил Борис, – Но заниматься по нему будем, когда тебе исполнится шесть лет. Бери букварь и обещай, что ты сохранишь его в чистоте и не испачкаешь его.

– Обещаю, – серьёзно ответил малыш.

– А теперь пойдём к тебе в комнату, и я покажу, куда положить букварь, –

сказал учитель, уводя Батыя, – Пока будем смотреть в нём картинки. Скоро я расскажу тебе все страшные истории, и про дикого кабана тоже – обещаю тебе.

– *Помни* меня, Бату! – крикнула им вслед на русском языке несостоявшаяся мать великого хана, – *Помяни!*

Второе слово было непонятно Батыю, и ребёнок крепко запомнил, его, решив, что Гаймиш скрывает от него тайну гибели его матери:

«Выросту – она мне всё расскажет», – подумал он. Эта мысль окажется роковой и для Гаймиш и для Батыя.

– А почему бы не спросить Субдэя насчёт подарков, – спросил Борис, вернувшись в комнату, где сидел молча Джучи со своей женой.

Джучи достал бумажку и подал её Борису:

– Я давно предвидел такой ход событий и написал хану Угэдэю. А когда получил этот ответ, то вызвал тебя.

На бумажке было написано: **Угу, дараа нь, Хан Угэдэй.** (Нет, потом, Хан Угэдэй).

– А где Субдэй видел эти буквы? Когда он выкрал меня из дома и вёз сюда, я не видел у него в руках азбуки!

– Ты своей *указкой* изрисовал весь песок вокруг Сарай Шыка, – сообщил другу Джучи, – найди хоть одного человека в городе, кто не видел твоих букв.

– А откуда Субдэй-Угэдэй знает, как они произносятся? – не сдавался Борис.

Но тут в спор вмешалась Угуль и на русском языке отчитала Бориса:

– Ты меня *заколебал*?

Борис поморщился, но не стал отвечать. Он как-то забыл сообщить ученице, что некоторые слова после введения христианства на Руси стали нехорошими.

– Ты своим *колом* специально *выписывал* буквы на снегу, чтобы я просила тебя прочесть их. А Субдэй был моим мужем, и он имел право спрашивать меня обо всём! Вспомни, какое условие ты мне выдвигал? А? Я мужу, между прочим, не сообщала условия чужого дяденьки! – в гневе выпалила Гаймиш и замолчала.

– Ну, это меняет дело, – с радостью воскликнул Борис, – я-то думал, что речь идёт о диком кабанае – не терплю диких зверей! – А подарки я всегда люблю получать: беру тебя и всё, что за тобой причитается!

Джучи облегло вздохнул. А Угуль-Гаймиш впервые за всю встречу ласково взглянула на Бориса:

– Куда ты меня определишь хозяин?

– Друг Джучи, скажи, где здесь есть подходящее место, где можно спрятать драгоценный подарок? Ты ведь эти места знаешь лучше меня.

Польщённый Джучи задумался:

– Отец говорил, что за *халимгами* (калмыками) есть большая река. Он дошёл до неё, поднялся вверх по ней, а потом повернул назад. Если верить ему, то там такие места, что лучшего – тебе не сыскать.

– А что будешь делать с другими подарками? – поинтересовался Джучи, – Братья Угуль не захотят ехать на север.

– А я дам реке название *Кума*, и подарки сами доберутся, если захотят.

– Захотят! Пусть только не захотят! – высказалась Гаймиш и подумала: «Нет, не зря я выбрала Бориса – он очень умный и меня любит, а другие – нет».

– А как хозяин будет сжигать меня на костре? – проворковала Людмила.

– К вечеру я поеду собирать дрова на костёр подальше от города. Буду ехать на ветер, так что вы не проедете мимо. Джучи пусть выберет самого жирного гуся, заколет и

ощиплет его – на гусе мы потренируемся, прежде чем сжигать Гусыню – в своей манере ответил хозяин.

– А ты поезжай к братьям и пригласи их. Нам нужны свидетели. Они не подведут? – спросил Борис и взглянул на Гусыню:

– По глазам вижу – не подведут!

– А какой наказ дать братьям? – вновь задала вопрос Гаймиш.

– Скажи им, что в Каспий впадает река – как я её назвал?

– Кумой, ты назвал её, мой *куманёк*, – Угуль-Гаймиш тоже увлекалась русским словообразованием.

– В тех краях есть посёлок, – продолжил свою мысль Борис, – Название посёлку дай сама. И ещё: обязательно захвати с собой подушку и мёд.

– А это ещё зачем? – удивилась жертва.

– Мы с Джучи, как требуют наши обычаи, должны сначала раздеть ведьму, потом вымазать в мёде и вывалить в гусином пухе, вместо того, чтобы её сжигать!

– Размечтались! Они меня разденут! Да скорее я вас раздену, вымажу ваши колы в мёде, потом в пухе...тьфу! – сплюнула Угуль-Гаймиш, представив воображаемую картину.

К вечеру стала собираться компания в месте, выбранном Борисом. Первым с гусем прибыл Джучи и занялся приготовлением жаркого на *тагане*, принесённом им. Рядом Борис воздвигал грандиозный **шатар** (сооружение, предназначенное для сжигания).

– **Одохон би шатар богосоор явна** (Сейчас я буду сооружать костёр/ расставлять шахматы), – сказал двусмысленно Борис.

– Готово, – попробовав жаркое, сказал Джучи и выгреб жар из-под тагана.

– И у меня готово, – заявил Борис и сгрёб жар под своё сооружение.

– Белые начинают, – объявил торжественно Джучи, – начинай!

– Что будет, когда здесь появится Поп Иван с клеветой на меня? – осторожно начал Борис.

– Унэгхана тебе бояться нечего. Его тут никто слушать не будет, особенно после того как Угуль при народе наказала его кнутом, – ответил Джучи.

– Что мне может сделать Поп Иван? – сделал второй ход Борис.

– Ты всё думаешь о себе, – отреагировал Джучи, – А скажи, что будет делать без тебя Поп Иван, когда его отвезут в ваши края?

– Почему я об этом не подумал? – наседал Борис.

– Потому что у тебя был страх, – указал Джучи на промах соперника, – Он сковал твою волю. **Унегхана** надо остерегаться, но не больше чем дикого зверя.

– А почему ты об этом не рассказал до разговора во дворце, – сделал коварный ход Борис.

– Я начал говорить, но ты меня перебил, – нашёл, чем ответить Джучи, – Перебивать меня тебе нельзя, а мне тебя можно.

– Не понял, ты шутишь или всерьёз, – не понял Борис.

– **Дүү, би аз ах** (Младший, к счастью, я – старший брат) – гордо заявил Джучи,

– Предлагаю ничью, тем более что появляются гости, – пошёл на мировую Борис.

К пылающему гигантскому костру с любопытством приближалась Угуль с братьями. Она принесла подушку, а вместо мёда – любимую Борисом медовуху.

Угуль, молча, бросила подушку Борису – подойти ближе было трудно из-за жаркого пламени.

Борис перебросил подушку в центр костра. Поднялся едкий удушающий дым от перьев. Все перебрались на наветренную сторону и, поглощая жаркое, наблюдали, как чёрный дым движется в сторону города.

– Пусть нюхают, чем пахнет дым при сжигании ведьмы, – разъяснил свои действия Борис, – Косточки от гуся бросать в костёр. Должно же от Гусыни что-то остаться!

– Нет, – возразил Джучи, – белые выиграли.

– Обычно ты объявлял, что белые проиграли, – удивилась Угуль.

– В шахматах не всегда выигрывает сильнейший. Сегодня повезло Борису.

Костёр погас, но пятеро участников ночного представления не спешили расходиться. Не то чтобы спешить им было некуда – нет, дел было много, и дела их торопили.

Но Угуль-Гаймиш была сентиментальна и никак не могла расстаться со своим прошлым ханши перед переездом на неведомый Кавказ. О будущем она не думала – у неё появился человек, который обязан о ней заботиться – хозяин. Теперь можно не думать о проблемах татарского ханства – пусть оно катится в *тартарары*.

Было о чём задуматься и братьям Угуль. От них с Борисом уходила сестра, которая несла для них золотые яйца. В своё время они приложили немало усилий, чтобы выдать старшую сестру за Субдэя, сына князя единственного татарского княжества на огромном пространстве татарских земель.

Борис, герой представления, думал о мести. Мести Попу Ивану, человеку необразованному, но установившему власть над выдающейся личностью, которой Борис всегда считал себя. Вспоминал он и о клятве, данной самому себе.

Но ночная прохлада сентябрьской ночи давала знать, и участники прощального представления стали разъезжаться, растворяясь в темноте. Разъезжались молча – прощальный костёр давно погас.

Время, в многодневной поездке молодые не тратили на любовные утехы. В пути Борис и его живой подарок Угуль-Гаймиш трудились над проектом «Не наследить», особенно при прохождении посёлка Дружный. Решили: Заехать в посёлок и запастись провиантом, а Гаймиш переодеть так, чтобы никто не распознал в ней мать ученика Батыя, которую дружинники видели неоднократно.

Через месяц путешествия они вышли к реке *Кума*. Место оказалось, как и обещал Джучи, «лучшего – не сыскать». Построили в укромном месте маленький *тартарары* и стали обустроиваться в ожидании братьев Угуль.

До приезда братьев татарки Угуль, молодые предавались любовным утехам. Об этом периоде их жизни можно судить по пословице: «С милым *рай* в *шалаше*».

Борис был счастлив и испытывал чувство глубокого удовлетворения. Во-первых, ему досталась красавица Гаймиш, которую он любил, и от которой вынуждены были все отказаться: и он, и хан Субдэй, и Джучи. Во-вторых, он оказался вне досягаемости Попа Ивана, необразованного и мстительного шефа с замашками властелина. В-третьих, наступили продолжительные каникулы в обучении Батыя русскому языку. Преподаванием Борис тяготился – оно не было его призванием.

Гаймиш и Борис с упоением вспоминали свои проделки за минувшие два года. Особенно усердствовала Угуль. Она боялась расспросов о её более ранних годах, кроме того она старалась, чтобы Борис не заметил её беременности.

Рай в *шалаше* закончился, когда прибыли братья Гаймиш. Вместе с ними и после них, стали прибывать из Сарай-Шыка все их сторонники, побоявшиеся возможных репрессий со стороны братьев хана Субдэя. Переезжали не на время, а навсегда. Сразу же стали возникать споры, кому и где ночевать и кому строить новые строения. Спорили и о порядках на заселяемой территории. Выбирали между порядками татарского ханства на реке *Урал* (*Яик*) со столицей Сарай Шык и татарской *Ордой* на таёжной реке *Кума* со столицей Алтай. Угуль была сторонницей последних порядков, при которых ей принадлежала абсолютная власть, и обозначались эти порядки словом *күмәк*.

Превращение подарка в ведьму

Татары бурно обсуждали свои проблемы, не обращая внимания на Бориса. По мере прибытия коренных жителей Сарай Шыка, сторонников *кумэк* становилось всё меньше и меньше. Гаймиш получила весточку от своих людей, чтобы готовилась к переезду на своё место – за ней выслан отряд татар из Алтая. И Гаймиш с утра до вечера вся была в работе. Вечером, накануне прибытия отряда состоялась беседа между влюбленной парочкой.

– А что такое *кумек*? Уж больно часто это слово говорят твои сородичи, – спросил Борис.

– Ну, это значит «надо смотреть и думать», – разъяснила Угуль татарское слово.

– Ёмкое слово, – согласился Борис, – На русском будет – «кумекать».

– Прекрасный перевод, – похвалила Угуль-Гаймиш своего *кумира*.

Поразмыслив, Борис пришёл к выводу, что смотреть и одновременно обдумывать – неудобно. Думается лучше, если закрыть глаза. И он решил продолжить разговор:

– Покажи на примере как надо *кумекать*.

Немного подумав, Угуль достала заготовки для шитья и, уложив их в нужном порядке, подала модель Борису и сказала:

– Посмотри и скажи, что это такое.

Борис повертел в руках меховое изделие и сказал совсем не то, что подумал:

– Это колпак для *шута*.

– Нет, это шапка *Мономаха*.

– Ты что умеешь читать мысли? – не на шутку испугался Борис и натянул на голову модель так, что швы затрещали, – угадай теперь мои мысли.

– Ну, какие могут быть мысли у любителя *чесать* язык? – ласково проворковала подруга, стаскивая порванную меховую модель с головы Бориса, – Маловата для тебя эта шапка *Мономаха*. Может, другому подойдёт – не выбрасывать же её.

– Послушай любезная – говори да не заговаривайся! Я никому не говорил слово «*мономах*», и ты его раньше не говорила. Если есть такое слово в татарском языке, то скажи, что оно означает?

– Успокойся ты. В татарском языке нет такого слова. А раз ему нужна шапка, то он человек. А у человека всегда есть имя, – резонно заметила Гаймиш.

– Что за человек? – насторожился Борис.

– Ты же просил привести пример на «кумекать». Вот и *кумекай*!

– Попробую. Ты слышала в Киеве это имя, – уверенно заявил Борис, и теперь вновь пытаешься насильно посадить меня на киевский престол, но уже не с короной, а с шапкой нашего *Мономаха*.

– Что было – то сплыло. Ты что меня за последнюю дуру принимаешь? – возмутилась Гаймиш, – У тебя один *Мономах*, а у меня другие!

– Так. Уже и любовники появились, – злорадно заметил Борис, – Хорошее же имя ты им дала!

– Одно имя на троих! – зло заметила Гаймиш и вытащила ещё две модели шапки *Мономаха*.

– Убери свои руки! – приказала Гаймиш, заметив движение рук Бориса, – А то разорвёшь, как первую – а мне потом работай! Только наживила и уже перешивать!

– Слушай дорогая, – с угрозой начал Борис, – Если ты не признаешься во всём, то я тебя...

– Что ты меня, – медленно с издёвкой переспросила Угуль, – может, возьмёшь замуж?

– Вот когда возьмёшь меня замуж, тогда и скажу тебе, кто такой «*мономах*» – сказала Гаймиш и тут же пожалела о сказанном, – Давай-ка лучше спать – утро вечера мудренее. Завтра поговорим. Я просто решила тебя разыграть.

– А может..., – и вдруг страшное предположение родилось в голове у Бориса.

Он дико посмотрел на изрядно расплывшуюся Гаймиш и нырнул в постель. Борис закрылся с головой и так сжал челюсти, прикусив для надёжности язык, что во рту появилась кровь – это он почувствовал. Всё ночь ему снились кошмары: то полный шалаш шапок, в которых он задыхался; то гусь, залетевший в шалаш и сказавший голосом Гаймиш «Мой бедный *Мономах*»; то привидения, возглавляемые Людмилой: она залезла к нему под одеяло, стала говорить на непонятном языке. Потом вымолвила «вот и поговорили» и стала пить кровь из его языка, заливаясь при этом слезами.

Борис проснулся с тяжёлой головой от безумной ночи и позвал Людмилу, чтобы выяснить, где сон, а где быль, но Людмила не отозвалась. Всё ещё не веря в новое, не менее страшное предположение он начал повсюду искать Угуль, начиная со своей постели. Но никто не ответил ему на вопрос: «Где Угуль?». Отчаявшись, он начал искать Гаймиш, потом Ханшу и даже Гусыню. Но её на Куме знали только под другим, настоящим именем, поэтому никто не мог понять, кого ищет Борис.

Братья Угуль-Гаймиш, могли бы помочь Борису, но их сестра, уехавшая ночью с прибывшим за ней отрядом татар, строго-настрого запретила давать о себе какую-либо информацию, и они предложили несколько имён разных женщин, но все эти варианты отметал Борис, начавший сходить с ума.

Обезумевший Борис крикнул: «Чур меня», перекрестился и со словами: «Она *ведьма*. Я найду её и сожгу на костре» помчался туда, где был человек, знавший его Угуль-Гаймиш и который мог дать ответ на вопрос: «Угуль – *ведьма*?». Впрочем, он уже решил для себя этот вопрос и никакой Джучил не способен был защитить Угуль-Гаймиш от неминуемой расправы.

Как добрался Борис до Сарай Шыка не знает никто, включая и его самого. Но в холодные декабрьские дни конца 1213 года Джучил увидел измождённого Бориса, который без положенного приветствия задал мучивший его вопрос:

– Угуль – карга (*ведьма*)?

Но Джучи пожал плечами и сделал вид, что не понимает татарское слово. Тогда Борис попытался вспомнить слово «*ведьма*» на особом языке – ничего не получилось, и Борис с мольбой прошептал:

– **Туслануу** (помоги!).

– Помогу, помогу, – отвечал Джучи, уводя гостя на конюшню, – отвечу тебе на все твои вопросы, и через месяц ты снова станешь человеком, хотя и не тем которого я знал.

А про себя добавил: «Провожал друга, а явился – враг».

Угуль не забыла Бориса и решила приобрести его в качестве раба. Его доставили, закутав в тулуп и заправив самогоном. В трескучие февральские морозы 1215 года, Угуль встретила своего старого возлюбленного, плохо соображавшего раба, на льду речки Кума, притока Оби. В крошечном таёжном посёлке Алтай, затерянном среди бескрайних лесов и болот бассейна реки Оби, царил сухой закон, установленный по указанию Гаймиш.

Что же представлял собой край, где Борис восстанавливал свою психику? Сибирь – край добычи пушнины. Здесь брали всё, что дают лес, озёра, болота и реки. Но самым ценным товаром была пушнина. На всём сибирском пространстве были разбросаны зимовья и заимки. Но был и кордон, который имел название *Гаймиш*. Посёлок Алтай был его столицей. Угуль называла свои владения Гусь-Ордой, а своих подданных – Гусиный Народ.

Пределы кордона были сравнимы с европейским государством не очень большого размера. Ежегодно в Гусь-Орду прилетало множество перелётных птиц, в том числе и дикие гуси. В Орде проживал татарский народ, который за столбил за собой приличный кусок тайги и постоянно там проживал.

Ласки Угуль-Гаймиш-Людмилы оказались действенным лекарством, и Борис снова почувствовал «рай в шалаше». Проснувшись поздно, он каждое утро начинал с поиска Людмилы, боясь повторения истории с её исчезновением.

Его отношения с любовницей сместились в сторону обслуживания хозяйки дома, иными словами Борис стал примачом. Всю зиму он выполнял мужские обязанности по дому, как регулярные: топка печи, принос воды, вынос помоев, кормление скота и птицы, уборка навоза и др., так и периодические: колка дров, топка бани и расчистка двора от снега.

Чтобы коротать с Угуль долгие зимние вечера, Борис вырезал шашки и обучил её игре. В долгих беседах Угуль поведала Борису о своём народе, о его менталитете, о богатствах тайги, о способах добычи пушного зверя и о многом другом, исключая вопрос о своей родословной и обходя вопрос властных полномочий. Она рассчитывала на то, что Борис увидит много общего её *Орды* с Владимирским княжеством и решит, что он попал в затерянное в лесах и болотах татарское княжество, а Угуль – дочь татарского князя. Отношение местного населения к Угуль мало отличалось от отношения славянских крестьян к правящей княгине.

Из писем своего сына, Бортээ многое узнала о Борисе и об Угуль. У матери сложились устойчивые взгляды на них и несколько изменились взгляды на собственного сына.

Молодая, богатая, общительная, воспитанная в хорошем тоне и не по годам сообразительная татарка Гаймиш была желанной невесткой, и Бортээ стала в письмах называть её *Гердой* (от *Герда* – бог земли у германцев). Так Бортээ заочно полюбила Угуль.

Любовников своих невесток, матери обычно не жалуют, какими бы положительными чертами характера те не обладали. Тем не менее, требование Чингисхана усиленно спаивать Бориса, ей казалось чрезмерным, и поэтому она закончила письмо словом *Яна* (и да, и нет).

Борис получил от Бортээ прозвище *Кай*. Желание у матери было одно – убрать Кая как можно дальше от её сына Джучи и, разумеется, от невестки Герды (Угуль) тоже.

На заочную любовь своей свекрови, Угуль заочно ответила взаимностью. Мысленно она стала называть Бортээ мамой, а в конце февраля 1215 года невестка решилась на отчаянный поступок. Она, оставив раба Бориса под приглядом подданных, появилась в Сарай Шике и, опираясь на оставшихся своих сторонников, произвела дворцовый переворот – над Батыем, вместо трёх регентов, был провозглашён один – её главная опора в её Орде. Не встречаясь с Батыем, Угуль помчалась к своему мужу Джучи:

– Десять минут на сборы, – вместо приветствия выпалила жена.

– Не рано ли командовать? Я ведь муж.

– У нас мало времени. Надо быстро скрыться, пока во дворце не спохватились.

– Я так не думаю, дорогая, – возразил муж, – Послушай меня.

– Раз ты начала командовать – значит, у тебя появилось на это право. Но ты, по мнению жителей Сарая, ведьма, которую сжёт на костре Борис в присутствии свидетелей. Тебе нельзя появляться не только во дворце, но и здесь – за мной неусыпно следят. Следят и за теми, кто сюда приходит без ведома хозяина Ханского Дворца.

– Ты, рискуя жизнью, хочешь забрать меня к себе, сметая на пути все преграды. Ты уже забрала Бориса и даже не сообщаем, обморозился он или нет во время поездки в таёжные

тартарары. Скорее всего, нет – его основательно заправили и укутали. Тебе Бориса явно не хватает – он ещё не вылез из алкоголя. И ты ради своего удовольствия затеяла опасную игру.

– Последствия своей затеи ты хорошо просчитала – твоя Орда попадает в долговую кабалу к Сарай Шыку, а процветанию Сарай-Шыка придёт скоро конец без моего здесь присутствия.

– Но Опекун Батыя обещал тебя заменить, – не удержалась от комментария Угуль.

– Замены сыну Чингисхана нет и быть не может. Я являюсь гарантом торговых договорённостей между поставщиками товаров и покупателями. Когда слух о моём исчезновении распространится среди поставщиков, то никто не поедет сюда, чтобы не потерять свой товар и свою голову.

– Делаю вывод: Нам не надо спешить, и можно заняться любовью, – Тулуп можешь не снимать для экономии времени.

– Я всегда считала тебя самым умным среди моих мужей /друзей, – проворковала Угуль, бросаясь в объятия мужа.

В предрассветные часы сани, нагруженные необходимым товаром, взяли курс на восток. Правил санями один из подданных Угуль, а парочка, зарывшись в кучу вещей, сладко спала после бессонной ночи.

К маю 1215 года Угуль и Джучи прибыли в посёлок Алтай, где Борис с нетерпением ждал возвращения своей госпожи, которая, как ему сказали, уехала в ханство за продуктами.

Появлению Джучи Борис был несказанно рад и тут же предложил наиболее неприятные работы разыгрывать в шашки. Джучи быстро усвоил и простые правила игры и незамысловатую русскую терминологию: доска, поле, *шашка*, рубить, *дамка*, *за фук*, *ничья*, *сортир*.

Простой, и в то же время строгий, уклад нравов в таёжной Орде привёл к решению права очередной ночи к шашечным турнирам между рабами госпожи. Для закрепления своего права необходимо было выиграть ещё и одну партию у Угуль – иначе она получала право выбора. Слово *ничья* образовано слиянием слов *ни* и *чья*. Имелась в виду Угуль-Гаймиш.

При игре с Угуль Джучи не настаивал на производстве обязательного хода, довольствуясь взятием за фук, Борис же был непреклонен, и грозно требовал:

– **Ё май ё** (*надо брать, надо* от русского возгласа *ёмаё*).

За лето и осень 1215 года трое затворников так сдружились между собой, что стали делиться планами побега из тайги и возвращения в большую политику. Совместно выработанный план был основан на сдаче в аренду (сдача в наём, *заем*) кусков таёжной Орды отдельным промысловикам. Приватизация оказалась эффективной, и были получены солидные средства для выкупа рабов из рабства.

Но выкуп не решал всех проблем. Борис и Джучи возвращались в Сарай Шык, перед которым у них были долгосрочные обязательства: у Бориса надоевшие ему уроки с Батыем, а у Джучи восстановление товарообмена, который зачах, судя по сведениям, поступавшим из Дворца.

Джучи хотел воспитывать Батыя *в духе европейского рыцарства и завоевательных походов*, а заниматься коммерцией – нет. И Джучи предложил своим друзьям:

– С выкупом надо подождать до ледостава Оби – мои родители имеют достаточно много свободных денег и предпримут необходимые шаги, как только поймут степень опасности для меня и моих друзей.

Натиск Снежной Королевы

До приезда Снежной Королевы, хозяйка «Гусиного народа» выходила ежедневно вечером встречать свекровь в сопровождении двух своих рабов: Джучи и Бориса. Оригинально, но это так – народ имел свои законы! Муж и любовник в рабстве были на законных основаниях! Это были добрые времена, и законы были порядочные! И эти законы лечили Бориса лучше лекарств! Но вот появилась Снежная Королева с «нормальными» законами и ...

– Нуга (Ура)! – закричал Джучи, увидев мать в странном наряде, – К нам приехала маман. Моя королева сейчас объявит *гардээ* и мы переберёмся в другой **ад** (конец дороги).

– **Гэртээ**, – глядя в упор на сына, уточнила гостя, проезжая мимо встречающих.

«(Ты) дома!» – вонзилась первая льдинка в мозг сына, ноги сами по себе подкосились, и он свалился на лёд.

Друзья стали поднимать Джучи и спрашивать, почему предложение его матери, идти за ней и *дома* отметить встречу, так напугало его.

– Всё дело в слове **ад**, которое вы не знаете. **Ад** – это ..., и Джучи осёкся под грозным взглядом матери, – Это **ад**. Там хан Угэдэй.

Такое объяснение устроило Угуль (Герду), которая знала о существовании какой-то дороги, по которой уехал Угэдэй. А Борис ничего этого не знал, и он тут же крикнул, обращаясь к Снежной Королеве:

– Что такое **ад**? где он? и что там делает Угэдэй?

Но не получил никакого ответа. Эти вопросы врезались в память Борису и не давали ему покоя несколько лет. Другая льдинка – молчание Снежной Королевы, попала в мозг Бориса.

Снежная Королева, отъехав на небольшое расстояние, остановилась и поманила рукой к себе:

– **Хэдний Хаин** (который из вас Каин).

Никто не тронулся с места. Мог бы отреагировать Джучи, но мать выключила сына из общения. У сына было одно на уме: «Что теперь делать?». Угуль ни о каком Каине и духом не ведала. Мучился Борис:

«Меня или не меня зовет мать? Неужели она моя мать? Слово **хэдний** означает, что она увидела двух своих сыновей и одному из нас дала новое, страшное имя. Но никто из нас не помышлял убийства. Год назад у меня было в мыслях убить Ярослава. Может она прочла мои мысли?».

Борис медленно поплёлся к саням Снежной Королевы.

– **Санбайнуу Кай** (Здравствуй, Кай!) – громко произнесла Снежная Королева, протягивая руку Борису.

У Бориса отлегло:

«Значит я только потенциальный убийца брата. Но я его не буду убивать, а значит не стану Каином».

Сани тронулись, и процессия двинулась в сторону огней посёлка Алтай. Впереди на санях было двое – двое плелось за санями.

– Что ты хочешь, мама? – спросил Джучи.

– Хочу посмотреть: побежит твоя жена за любовником или нет?

– Она никогда ни за кем не бежит, – ответил сын.

– Побежит, если любит, – зная свои моральные правила, заявила Бортэ.

– Любит, но не побежит, – настаивал Джучи.

– Побежит, ещё как побежит, – заявила Снежная Королева.

– Ты бегала, а она не побежит, – укорил Джучи свою мать.

А Угуль (Герда) толкнула Джучи и закрыла ладонями уши, чтобы не слышать, как сын разговаривает с матерью. За неуважительное отношение к своей матери некоторые её подданные платили своей жизнью!

Жестокие были законы у «Гусинога» народа, но и мораль была на высоте!

Очередная льдинка чуть было не попала в сердце Герды – она вовремя заткнула себе уши. Другие цели были поражены, и сани понеслись вихрем – Снежная Королева уносила Кая.

– Ничего, – заявил Джучи, – Помёрзнут в тайге и вернутся. Ты говорила, что вверх по Куме тупик?

Угуль молчала.

– Ладно, не переживай, – философски заметил раб, – Если уехали в тайгу, то вернутся завтра; если попадут на сворот, а он должен быть, так как Иртыш петляет, то значит, кто-то уже сообразил пробить прямую дорогу, и тогда, если поедут налево – приедут через два дня; если повернут направо, то встретят промысловиков и те через три дня сообщат, что Снежная Королева увезла отсюда подвыпившего сына. Пьяных сыновей матери увозят на большую землю от греха подальше – сам видел.

Такие глубокие рассуждения мужа раньше вызывали восхищение, а сейчас еле сдерживаемый приступ ненависти:

«Красиво говорит, а уважать мать не научился. Зря я затыкала уши – надо было привлечь его к ответу!»

Потянулись месяцы томительного ожидания. В начале апреля 1216 года появилась женщина-эвенка на оленях. Она приехала с Севера по делам, связанным с обменом зеркал на коня и, жестикулируя, на корявом татарском языке сообщила новость:

– Красивая женщина за коня и монету взяла три оленя, но сказала, что на кордоне за два оленя можно получить коня и много дорогих монет. Я просила зеркало – это самый лучший обмен за оленя, а она сказала, что в её царстве такие зеркала, что за каждое зеркало надо много оленей отдать, а я сказала, что шибко много будет.

Угуль не стала разговаривать с гостьей, чтобы слова женщины-эвенки прошли мимо ушей Джучи, который плохо, но понимал татарскую речь.

Эвенка внимательно осмотрела все углы и пол в избе, но нигде монет не обнаружила, а вот зеркал было много.

«Видно здесь бедные люди живут» – подумала она – «Дорогая вещь должна быть на самом видном месте. Повешу-ка я, когда вернусь, свою монету над столом – сразу будет бросаться в глаза. А зеркал у них хватает, и коня мне не дадут».

Эвенка вышла, а Угуль взглянула на Джучи и вздохнула с облегчением: «Пронесло!».

Джучи думал о своём:

«Мать, по темноте, проскочила на Обь и уехала к эвенкам на север, чтобы там дожждаться, когда поток промысловиков по Тоболу увеличится и можно будет прошмыгнуть назад в Мухор мимо бдительных подданных Угуль. У эвенков она продолжает ухаживать за Борисом, развлекая поездками на оленях. Женщину-эвенку, без сомнения, послала мать, чтобы сообщить мне о своём местопребывании и намекнуть на свой план. Если ей удастся до весны проскользнуть незаметно на юг, в верховье Тобола, то она поедет на свою историческую родину, завезя Бориса во Владимир, где тот, скорее всего, сопьётся – там водка уже продаётся на каждом шагу».

Угуль тоже размышляла:

«Дело тут в шутнике Борисе. Он сообщил, что Снежная Королева бредит большими зеркалами. Видимо имеется какая-то дорога, по которой эвенки получают зеркала,

служащие им своеобразной валютой. Ясно, что к Владимиру есть на Севере более короткий маршрут. После Владимира Снежная Королева продолжит свой путь в Киль, к себе домой».

Как видим версии были разные, и версия Угуль соответствовала действительности. Снежная Королева столкнула с саней сонного Бориса на выезде из Великого Новгорода. Сама же Бортэ продолжила путешествие в свой родной Киль.

С вывозом Бориса из Гусь-Орды, любовный треугольник стал разваливаться. Вскоре Огууль-Гаймиш перебралась в пустыню *Кара-Корум*, надеясь спрятаться от хана Батыя. Для контроля за поведением молодого хана, остался Гидеон, верный соратник и советник в сложных ситуациях. Людмила взяла с собой и тройню мальчиков, родившихся в тайге в 1215 году.

В начале 1227 года замерзает Джучи, и от треугольника остаются только воспоминания.

Дядя, племянник и подруга

В 1242 году, вскоре после Ледового побоища на Чудском Озере, Борис, скрывавшийся от Батыя в Великом Новгороде у своего племянника Александра Ярославовича (Александра Невского), получил через него странную записку на русском языке:

Я не виноват доложил Борису Угэдэй

Объяснив племяннику содержание записки, дядя сказал, что срочно уезжает в Хара-Хорин, там переждёт трудное время и через пару лет вернется. В дороге он вспоминал всё, что ему рассказал о Монголии Чингиз в 1225 году.

Уже через полгода Борис был в секретном Кара-Коруме. Это он понял по свороте с Дороги, которого не должно было быть; вспомнил и ответ Чингиза на вопрос, где живёт Угэдэй:

– В Хара-Хорине, но не в моём – в другом, который выстроен в пустыне Кара-Корум.

Бориса ждали, и он представился. Встречающий был человеком необычного вида, явно жёлтой расы, услужливый, говорил с необычным акцентом:

– Хан Угэдэй тебя ждал, но не дождался – недавно он умер.

Борис попросил показать могилу своего друга.

– Ты уверен, что хочешь побывать на месте захоронения хана Угэдэя? Оно на Алтае, в тайном месте. Не торопись с ответом. Хан Угэдэй задолго до смерти предупредил о твоём приходе. Он велел оставить свободное место рядом с собой. Когда ты умрёшь, мы найдём твой труп и выполним волю своего великого Хана, даже если придётся тащить твои останки с другого конца Земли. Если пожелаешь, то мы можем это сделать и сейчас.

При этих словах Борис помертвел – такой шутки от друга он не ожидал. Но незнакомец продолжал:

– У тебя с собой должна быть записка. Эту записку хан Угэдэй написал тебе, чтобы ты передал её его жене Борахчин-Хатун, проживающей в другом Хара-Хорине. Он так любил тебя, что никому из нас не доверил выполнить свою последнюю просьбу.

Потом почти шёпотом сообщил:

– По-моему, его бывшая жена не равнодушна к тебе. Дать тебе сопровождение?

– Нет, я знаю, куда мне ехать.

И Борис, к удивлению чужеземца, описал предстоящую поездку достаточно подробно, даже сообщил, где находится дворец Попа Ивана, чем спутал все карты китайца. По плану которого, слуги Борахчин-Хатун во Дворце должны были сообщить куда и с кем уехала их Госпожа.

Прощаясь китаец заявил:

– И ещё. Два раза в месяц посылай кого-нибудь сюда от себя. А то в Манги останки людей сжигают на девятый день, а мы не можем допустить сжигания твоих останков.

В хорошем настроении Борис двинулся на родину Чингиза. Нашёл сомон, где когда-то жил Чингиз. Во Дворец не поехал, а поехал к начальнику сомона, поскольку знал, что тот решает все вопросы.

– Это трудная задача, и я не смогу помочь. У хана Угэдэя не было жены. Борахчин - Хатун – детское прозвище иностранки, которая проживала во дворце Попа Ивана. Шесть лет назад она уехала. Куда и зачем, не знаю – за иностранцами я не слежу.

– У меня есть записка от Угэдэя, – и Борис протянул бумажку начальнику со слабой надеждой.

Начальник изучил записку и вернул её Борису:

– Никто в кочевье не сможет её прочитать, даже ламы. Может, ты знаешь, что в ней?

Борис перевёл содержание записки.

– Странно. Тебе доложил хан Угэдэй, начальник Хара-Хорина, что он не виновен. А ты ищешь его жену, которой не было.

Оба задумались. Пригласили случайных людей. Все хотели помочь иностранцу, прекрасно владеющему их языком. Для Монголии – это редкость. Наконец кого-то осенило: пусть иностранец прочитает слова так, как написано в записке. Может это монгольские слова, написанные странными буквами.

Борис прочитал.

– **Тургэн биш нэг удаа уншнэ** (прочитай ещё раз, но не так быстро), – попросил начальник сомона, не ожидавший услышать такое.

Но Борис не стал перечитывать записку. Люди оживлённо обсуждали вторую её часть: «**долоо жил Борису Угэдэй**» (семь лет Борису, Угэдэй). Золотой царь оказался очень скрытным – Борис не мог даже мысли допустить, что тот знает монгольский язык не хуже его. Подвела самонадеянность и беспечность.

– Это по моей части. Ты прибыл по адресу, – заявил начальник сомона, – мне надо заказать для тебя юрту, печь, кровать и семь баранов, а ты пока поищи себе соседей, которые тебя примут, и узнай у них свои права и обязанности.

– Я знаю и то и другое.

– Очень хорошо, – обрадовался начальник сомона, – но несколько дней тебе придётся ночевать у соседей, а потом утром... , – начальник задумался над проблемой – кто поставит иностранцу юрту.

– В 10 утра я сам начну ставить юрту, и поставлю её как надо, – заявил Борис уезжающему начальнику сомона.

Искать соседей не пришлось – почти все араты, оказавшиеся рядом, захотели иметь соседом сознательного преступника, да ещё друга знаменитого хана Угэдэя. Дошло дело до потасовки, и Борис не стал долго выбирать.

Через пару месяцев экзотика приелась, и тоска овладела Борисом. И тут появилась его старая любовь **Өгүүль** – Гаймиш, которая сообщила, что записка от Угэдэя была написана женской рукой – но её не проведёшь, – и она решила записку подменить. Попросила прощения за ревность. Семь лет, конечно, много, но другого варианта не было, и она готова разделить с ним все лишения.

Борис был счастлив. Он только спросил:

– А что было в записке?

– Предложение дружить семьями и Землями.

– И что тебе не понравилось?

– То, что она написана женщиной, – напомнила татарка.

– А почему не сам Угэдэй написал записку?

– А какая разница? Ты умный, вот и ответь на свой вопрос!

– Я поехал к нему, а мне сообщили, что он недавно умер.

– Как же так? Давай собирайся – хоть на его могилку посмотрим.

– Мне нельзя. Я осуждён по твоей милости куковать в этой юрте.

– С каких пор ты стал таким покорным? – изумилась подруга.

– Видишь тех баранов? Они ограничивают моё перемещение. Если их не пристроить у кого-нибудь на ночь, то они начнут искать ночлег и орать и тогда соседи вызовут начальника сомона. Тот зафиксирует побег и отправит меня в тюрьму, откуда взять меня сможет только он, если захочет. Таковы здесь законы.

– Ехать к Угэдэю опасно. Его сторожат китайцы – с одним из них я и разговаривал. Теперь понятно, почему он так и не стал завоёвывать Китай – Угэдэй под колпаком. Всем заправляет его незаконная жена. Мне начальник сомона сообщил, что у Угэдэя не было жены, а в его дворце жила иностранка, уехавшая куда-то 6 лет назад. Она и написала ту записку. Если будешь в Сарай Шыке, то поинтересуйся у Батыя, знает ли он что-нибудь об этой *кравле*.

– А тебя надо выдать замуж, чтобы больше не отравляла мне жизнь, своей ревностью!

– Повинуюсь воле моего кумира. И за кого мне идти, куманёк?

– Повелеваю тебе взять в мужья моего племянника – Великого князя Александра Невского, – с пафосом объявил Шут Гороховый.

– Добро, сегодня же пишу ему любовное послание.

После нескольких дней подробного обсуждения прав и обязанностей заключённого, а также иностранки, они разработали все предстоящие мероприятия и правила своего поведения в сложившейся ситуации.

Через 3 месяца *Өгүүл* – Гаймиш поехала в Сарай Шык, забрала все документы у Гидеона и отдала своё послание для передачи Александру Невскому через Батыя.

Вернувшись в Монголию Людмила отдала Борису в 1244 году все бумаги, полученные от Гидеона с просьбой хранить их до конца ссылки. Потом сообщила новости:

– Батый находится под каблуком у иностранки, которая назвалась Сорхах-Тани – она просит *угадать, по ком она сохнет!* Я угадала – она сохнет по тебе. Так что я правильно сделала, порвав её записку! Она и столицу перенесла поближе к русским княжествам. Новый Сарай стоит на Волге, в том месте, где ты нарисовал на песке свой дурацкий мост, – возмущённо заявила Людмила.

– Почему дурацкий. Я конечно пошутил, но придёт время построю его...

– и домик на другой стороне реки, чтобы подружиться семьями, – язвительно добавила подруга.

Она сообщила и о том, что китайка привезла с собой мальчика *Улагчи*, скорее всего сына хана Угэдэя. Борис тут же русифицировал имя – *Улавчий*.

Мемуары Бортэ он не стал читать, Золотую книгу пробежал глазами, а черновики Джучи переработал и сделал из них свой вариант. Все письма и записки оставил как есть, не читая. Всё делалось не спеша – времени было предостаточно. Борис ничего не скрывал от Людмилы, а та слушала, не возражая. Когда же Шут Гороховый, назвал Джучи нехорошим словом, Угуль поправила, добавив суффикс «-к», – хан *Гуюк* и объявила себя его вдовой.

Потом стали думать о своём будущем и будущем России. Сначала, Людмила сообщила о поездке Гидеона в Киль и о достигнутых договорённостях с Бортэ. Борис рассказал о

своей встрече с Гидеоном и причину срыва переговоров с ним. Попросил её не касаться тем Чингисхана и Попа Ивана. Ему не хочется их вспоминать. Пусть всё останется тайной.

Людмила была любопытной, но, взглянув на любовника, поняла, что это действительно запретная тема и переключилась на обсуждение политических проблем далёкой России.

Батый вызвал Александра Невского в Золотую Орду и сообщил, что есть достойная кандидатура в жены. Хан проводил князя к началу Дороги и сказал сколько будет ночёвок до того места, где его встретят. Сделав около 50 ночёвок, князь оказался на краю монгольского кочевья – оставалась пара ночёвок, и Александр позволил себе хорошенько выспаться. Отъехав немного от юрты, он увидел смуглую девочку, которая явно ждала кого-то. Девочка тоже заметила незнакомца и поскакала к нему:

– **Александр аа**. (Александр?), – «представилась» она.

– Смотри – тёзка. Я тоже Александр, – представился князь.

– **Борис хаат явна, Борис хаат явна**, (поехали к Борису, поехали к Борису), – твердил ребёнок, стараясь схватить князя за рукав.

– Вот тебе и дядя. А такой был тихоня. Интересно, чего он натворил, – рассуждал вслух князь, решив, что девочка знает несколько русских слов и заявляет, что *Борис явно гад*. Другие слова, которые потоком лились изо рта взволнованной девочки были тарабарщиной, с регулярным повторением «**Борис хаат явна**». Девочка ничего не хотела слушать, но явно просила князя о помощи.

– Ладно, поедem, если это не далеко, – решил князь, и кони понесли пару на восток.

За день доехать не успели. Поужинали в незнакомой юрте, куда пригласила девочка.

– Чей дом? – спросил Александр.

– **Миний гэр**, (моя юрта) – ответила девочка, перехватив взгляд князя, по которому было ясно, о чём речь. Из юрты выбежала толпа братьев и сестёр девочки. Все с интересом слушали рассказ девчонки. С первыми лучами солнца девчонка стала бесцеремонно тормозить князя, со своим «**Борис хаат явна**». Девочка взяла с собой дополнительного коня и со словами «**Борис хаат явна**» поскакала на восток.

Александр уже не на шутку стал злиться на своего дядю, который вместо того чтобы встретить племянника спрятался от него. Только к обеду подъехали к юрте, в которую нырнула девочка. Князь изрядно отстал, и когда он подъехал, девочка вышла навстречу, чтобы принять коня. Александр слез с коня и осмотрелся. Вокруг была степь с редкой травой. Перед ним стояла ничем не примечательная приземистая юрта. Вблизи паслись кони, а вдали – пара баранов. «Не разбогател дядя» – подумал племянник.

Александр решил подождать, когда выйдет Борис встречать племянника. Девочка с любопытством рассматривала князя, но не приглашала в юрту. В юрте было тихо.

– Долго мне стоять? – проворчал князь.

– **Аав**, (папа) – поддержала девочка. В ответ – тишина.

– Ты что заснул? – громко напомнил о себе Александр.

– **Аав, аав, аав**, (папочка) – добавил ребёнок.

– Это выходит за рамки приличия, – возмутился племянник и вошёл в юрту, не спрашивая разрешения. Но и вторжение не вызвало интереса у двух людей, сидевших за столом: Борис и пожилой монгол склонились над шахматной доской. Монгол, увидев, что пришёл гость-иностранец, поднял голову и улыбнулся.

Александр подошёл к игрокам и взглянул на шахматную доску – у дяди был явный выигрыш. Но Борис положил короля, а потом молча стал убирать с доски фигуры. Счастливый монгол выбежал из юрты – дочь и отец вскочили на коней, торопясь до ночи вернуться в юрту, в которой переночевал князь.

– Ну вот, ты как всегда некстати, – приветствовал дядя, рассматривая уставшего племянника, – до мата осталось два хода.

– Мат тебе будет, дядя. Александр сделал требуемые два шага и высказался.

– Bravo, Александр. Давно я не слышал таких похвал в свой адрес.

– Ты женат? – строго спросил Александр.

– Да, – сознался дядя, – и ты знаком с моей женой. Ну и что?

– И где же твоя жена? Может, позовёшь? – с иронией спросил князь.

– Там, – Борис кивнул в сторону умчавшихся монголов, – Позвать не могу. Зови сам, если хочешь. Дорогу ты знаешь.

– И позову, – с угрозой заметил племянник изумлённому дяде. – Ты свою Александру больше не увидишь – в шахматы я играю лучше тебя!

Борис долго не мог говорить от припадка смеха. Наконец вымолвил:

– Мы не поняли друг друга.

– Меня жена сослала на семь лет. Остался год с небольшим. Я уехать из сомона не могу. Стал играть в шахматы. Новости в Монголии распространяются быстро и ко мне очередь желающих поиграть. Этот монгол уехал, а завтра он пошлёт другого. Я узнаю от них все новости. Знаю, куда ты едешь и зачем. Монгол приезжает всегда с дочерью, чтобы та присматривала за лошадью, да нам чай готовила.

– Я попросил дочь этого монгола – не знаю, даже как её зовут – чтобы она съездила за тобой. Повторяю тебе ещё раз, я обязан ночевать в этой юрте.

– Отец этой девочки поставил условие: играть с ним, пока не вернётся дочь. Моего коня и коня отца дочь увела с собой. Я уже третьи сутки не евши и не спавши, – пожаловался Борис – Я и эту партию выиграл бы. Но хитрый монгол, увидев тебя, понял, что может взять меня измором – пришлось сдаться. Теперь вся Монголия узнает, что есть кочевник, который играет сильнее меня.

– А кто твоя жена, с которой я знаком, – лукаво спросил Александр, – Уж не Людмила, о которой ты рассказывал, и которая исчезла из Киева, как будто её ветром унесло?

– А теперь ужинать. Завтра поговорим о деле, – не отвечая на вопрос Александра, закончил церемонию приёма Борис. – Я голоден как волк и хочу спать, а мат не расходуи. Вернёшься в Россию – тебе мат ой как пригодится.

На следующее утро Борис продолжил разговор:

– Она самая. Через пару лет я собираюсь приехать к ней, если конечно ты позволишь.

– Я тоже собираюсь жениться. С моей невестой ты не знаком, но, как сказал хан Батый, она о тебе слышала. Но зачем тебе жить с нами?

– Значит, не позволяешь. Придётся мне быть любовником твоей невесты.

– Дядя, ты много себе позволяешь, – вспыхнул Александр. – Ишь чего надумал. Оставайся-ка ты лучше в своей дыре, в Монголии. Зря я поехал с девчонкой. Был бы сейчас в Кара-Коруме...

– У своей распрекрасной Огуль-Гаймиш, вдовы Гуюка, – прервал Борис племянника, – Я ещё не всё сказал.

– Мне, пока что моя, Людмила сказала: «Александр едет – он хочет жениться на мне. Я дам согласие. Потом провозглашу его царём». Короновать тебя будет хан Батый, который ей подчиняется, – выложил дядя племяннику, – И рот закрой, а то челюсть отвалится.

– Моя Людмила не только прелестная, но и порядочная. Она в тебя втрескалась. Людмила – татарка. Она просила поговорить с тобой, что сейчас к ней ехать нельзя – приехали её сыновья и подняли бунт: каждый хочет короновать тебя. Но помогать ей не надо – справится. Просила меня перевести тебе на русский язык её имя – самой ей как-то

неловко. Попросить некого – по-русски здесь, кроме неё и меня, никто не понимает. Никто.

– А откуда девочка узнала русские слова? – спросил племянник.

– Простое совпадение. **Борис хаат явна** – поедем к Борису.

– *Гаймиш* – по-татарски значит «гусыня». *Огуль* (Өгүүл) – на монгольском означает «поговори!». Ещё она просила передать, что тебе она откроется как Александра Борисовна Огуль-Гаймиш. Я буду её отцом. И если дочка с папой изредка будут уединяться, то не надо сильно ревновать. Запомни: татарки бывают вспыльчивыми и мстительными. Что касается меня, то я согласен. А ты думай. Я пока займусь приготовлением обеда.

Не успели, как следует, пообедать, как раздался топот:

– Кстати слышишь топот. К нам подъезжает очередной претендент получить мат. Едет один без девочки. Значит, будет просить тебя присмотреть за лошадьми – боится, что ты будешь мне подсказывать, – монгол уже зашёл и поздоровался, подозрительно смотря на беседующих иностранцев.

– *Сайн байн уу*, – ответил Борис. – *Өглөө нөгөөдөр зочин явна* (Утром; послезавтра гость уезжает).

– *Дамжуулнэ*, (передам) – ответил монгол и обратился к Александру, – *Морь харь*.

– Он сказал, что завтра приедет *дама-жулик* играть в шашки, а сегодня тебе смотреть за конями, – перевёл Борис слова монгола, – Иди, на свежем воздухе легче думается.

Вечерняя беседа прошла по плану, предложенному Борисом:

– Чтобы не ввязаться в дискуссии, сделаем так – ты будешь меня спрашивать, а я – отвечать. Спрашивай обо всём, что тебя интересует. Отвечу на все вопросы. А если на какой не будет ответа, понятного для тебя, то буду сочинять – не обессуди. Но без ответа, ни один вопрос не оставлю. Итак.

– Почему девочка волновалась, когда встретила меня? – У Александра оставалась неясность.

– Для тебя была опасность из-за твоей одежды. В том месте поблизости стоит большая армия и тебя *могли принять за шпиона*. Монголка волновалась за тебя.

– А для неё не было опасности?

– Нет. Армия обосновалась там надолго. В ней одни мужики. Взрослые монголки ездят туда на заработки, а девочки просить угощение для себя и своих братьев.

– Когда поедем в Кара-Корум?

– В тот, в который тебя приглашали, мы не поедем. Мне отлучаться нельзя.

– Кто тебя удерживает?

– Ты видел двух баранов. Я должен за ними ухаживать, иначе они на меня пожалуются, и меня упекут в тюрьму до конца моих дней.

– Когда я увижу Огуль-Гаймиш?

– Когда она этого захочет.

– Сколько у неё детей?

– Трое.

– Кто их отец?

– Он перед тобой.

– Когда мне уехать?

– Послезавтра. Завтра моя очередь тебе задавать вопросы. Ближе к вечеру.

На другой день утром приехала дама-жулик, загримированная и вычурно одетая Угуль-Гаймиш. Играли молча – «на вылет». Но если Борис спокойно относился к мухлевке дамы-жулик, то Александр нервничал, ругался, думая, что та не понимает его, а иногда сметал

шашки с доски и отказывался играть с ней. Угуль отнесла такое поведение князя к недостатку воспитания со всеми вытекающими последствиями.

Вечером у Бориса был только один вопрос:

– Ну и как тебе показалась Огуль-Гаймиш?

И Александр Невский выразил своё восхищение ею:

– *Не приведи Господь Огуль-Гаймиш на землю русскую.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь выделенных слов

Бээ – грязный задний проход у животных.

Гардээ – устаревший шахматный термин.

Глеб – образовано от хлеб.

Гуюк – его даты рождения и смерти образованы от соответствующих дат Джучи прибавлением числа 21. Людмила решила сократить свои вдовьи года до нуля.

Заколебал – трёхсловие.

Иргиз – в Волгу впадают две речки Иргиз, большой и малый. На этом отрезке была тайная переправа через Волгу.

Кара-Корум – обширная пустыня. В западной части пряталась **Өгүүль** – Гаймиш, и туда приезжал князь Ярослав Всеволодович. Далеко на востоке от неё, в **Джунгарии** (по левую руку) – армия Угэдэя, проедавшая деньги **Борахчин-Хатун (Сорхах-Тани)**.

Краля – крал я. По просьбе Марии так Поп Иван называл свою «дочь».

Линия кона – первоначально линия коня.

Могли принять за шпиона – Александр всё-таки *засветился*. Китайцы проявили к нему интерес и, узнав о его полководческих способностях, убили хана Угэдэя в 1248 году.

Мономах – состоит из латинского **моно** (единое) и монгольского **мах** (мясо): единоутробные. Людмила ничего не знала о Мономахах – случайное совпадение.

Морд – представитель *мордвы*. Слово **морд** сохранилось как часть слова *держиморда*: *держи морда*.

Наложница – расшифровывается словами *на ложь жница*. Мария считала, что *пожинает плоды своей лжи*.

Не приведи Господь Огуль-Гаймиш на землю русскую – фраза, часто звучавшая из уст Александра Невского после поездки в Монголию. Мы говорим иногда *«не приведи Господь»* вместо грамматически выдержанного – *«не допусти Господь»*.

Огуль-Гаймиш – Такое написание имени **Өгүүль** – Гаймиш впервые появилось в послании Людмилы французскому королю Людовику IX, которое он получил в начале 1250 года. От него **хатун** (госпожа) **Огуль-Гаймиш** потребовала уплаты ежегодной дани. Письмо-шутка принадлежит перу Бориса во время его ссылки с 1243 по 1250 год. Цель – ввести любимую в Историю.

Очко – уменьшительное от **очо** (искра).

Роман – Борис и Джучи так называли римлянина. **Ромэн** – римлянка (женский род по монгольской грамматике).

Тартары – русское слово, родоначальник слова *татары*, есть на исторической карте, приписываемой шведу, пленному под Полтавой, а также на карте Великой Tartarie, 1706 года создания, хранящейся в Библиотеке Конгресса США. Обе карты идентичны по рекам на них.

Улагчи – татаро-монгольское слово, и переводится: *ты – сын*.

Цээ – грудь у особь мужского пола.

Шалаиш – состоит из слов: **шал** (пол) и **Arsch** (попа), переводится как *попа-пол*. Людмила была беременной и ложилась в *шалаше* на живот, оберегая плод от переползавшего через неё Руслана.

Шаровары – означает *жёлтая варка* (в хне).

Ширма – обозначает предметы из волокна или кожи, из которых можно всматриваться.